Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 ИЮЛЯ 13

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

1926
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 64468. Тираж 33 000 экз.
Типография изд-ва «Правда» и «Беднота», Москва, Серебрянич. набер., д. 23/а.

О право-оппортунистическом вырождении „левизны" внутри партии.

«Уж с давних пор твердили миру, что ложь гнусна, вредна».

Политическая ложь со стороны «левых» уклонистов в рядах нашей партии,—безразлично, сознаются ли они в этой лжи перед самими собой или нет,—заключается в том, что под «левым» флагом, в сущности, ими провозится правый груз меньшевистских идей, так или иначе подкрашенных, «подчищенных», «обновленных» и завуалированных.

Вредоносность такой лжи с точки зрения партии и, напротив, ее выгоды, удобства для уклонистов состоят в том, что эта политическая ложь может сеять недоумения, порождать непонимание и вызывать вопросы у тех товарищей, которые не вполне отдали себе отчет в существе того или иного уклона: «Как! Партия обвиняет в принятии меньшевистских идей тех, кто только что говорил и говорит нам самые боевые революционные фразы? Правдоподобно ли это?..» Рассчитывая на такое легковерие, «левые уклонисты» получают возможность выступать в позе людей напрасно обиженных с тем, чтобы восклицать: «Как! Вы говорите, что я чуть ли не меньшевик, тогда как я только и делаю, что обвиняю партию в оппортунизме?! Кто вам поверит?»—и т. д., и т. п.

Однако, большевистская партия выросла из детских пеленок. Партийная масса научилась разбираться в существе идейных позиций. Простыми выкриками и софизмами ее не «возьмешь». К тому ж, у нашей партии есть богатейшая история ее революционной борьбы под руководством Ленина, дающая не один пример того, как «левый» уклон лил воду на мельницу «правого» или прямо выливался в «правое» русло. Примеры эти блестяще иллюстрируют условность формального деления уклонов на «правые» и «левые». Различие по форме ничуть не исключает, а, наоборот, предполагает известную общность социального содержания и политической идеологии как тех, так и других уклонов от ленинизма.

Примеры эти имеются еще в истории партии до захвата власти пролетариатом. Наиболее яркий пример этого периода—«большевики-отзовисты». Выделившись в 1909 году, под руко-

водством А. Богданова, в левую фракцию большевизма, они через несколько лет пришли к совместным выступлениям с правыми меньшевиками, с ренегатами-ликвидаторами (от которых тогда открещивался даже Плеханов)—против большевиков-ленинцев.

Примером того периода может служить также и троцкизм («перманентники»—т. Троцкий и Парвус), которому его «левый» лозунг: «рабочее правительство», нисколько не мешал в течение многих лет рука об руку с меньшевиками бороться против большевизма, против ленинского лозунга: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Из последних событий в Коминтерне необыкновенно ярок пример с исключенным из германской партии «сверхлевым» Коршем, который тут же «сиганул» в лагерь самых отпетых оппортунистов и социал-прохвостов.

Наконец, весьма яркий и выразительный пример право-оппортунистического вырождения левизны дает нам развитие так называемой «рабочей оппозиции» в нашей партии (1921—1926 год). «Рабочая оппозиция» заслуживает интереса сейчас уже не только как исторический пример, потому что вождями «новой оппозиции» был выдвинут лозунг оживления «всех бывших групп», а в их числе не последнее место занимает и «бывшая группа» т.т. Шляпникова—Медведева.

«Рабочая оппозиция» в дискуссии 1921 года выступала против Ленина и против возглавлявшегося им подавляющего большинства партии с рядом демагогически-«левых» лозунгов. В центре их стоял синдикалистский лозунг передачи промышленности «в руки с'ездов производителей». В обстановке Кронштадта, в условиях распыленности и деклассированности пролетариата, «рабочая оппозиция» выдвигала, кроме того, требование: «$^2/_3$ рабочих в составе партийных комитетов». Вместе с тем, «рабочая оппозиция» вопила против бюрократизма, против неравенства, против спецов, играя на несознательности масс, поддавшихся тогда в сильной степени влиянию мелко-буржуазной стихии.

В высшей степени важно сейчас вспомнить эту, начальную стадию формирования «рабочей оппозиции» в момент перехода к нэпу. Ленин тогда характеризовал ее, а за ним и X с'езд партии, как анархо-синдикалистский уклон. Ее требование «промышленность—с'езду производителей» было отрицанием руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, отрицанием самостоятельности пролетариата по отношению к мелко-буржуазным «производителям» и, тем самым, отрицанием диктатуры пролетариата. Все это выливалось, однако, в форму «левых» лозунгов, хотя уже тогда слишком очевидно было, что этот «левый уклон» делает «правый поклон» в сторону меньшевизма. Не даром Ленин на XI с'езде партии, говоря

о «пулеметном огне» в сторону тех, кто стремится превратить временное «отступление» партии в паническое бегство, поставил Шляпникова в один ряд с меньшевиками, оговорив, конечно, различие в методах и формах партийного «пулеметного огня» для тех, кто стоит вне партии, и тех, кто в партии. Нельзя, однако, не вспомнить, что перед XI с'ездом не кто иной, как Ленин, ясно понимая, куда растет шляпниковщина, предлагал исключить Шляпникова из партии. По настоянию Ленина, еще XI с'езд принял, как известно, специальное решение о праве ЦК совместно с ЦКК, большинством двух третей голосов, исключить из своего состава и из партии членов ЦК за фракционный подрыв партийной дисциплины.

Эти факты из прошлого «рабочей оппозиции», из тех времен, когда она еще имела претензию числиться в «левых» уклонах, — чрезвычайно полезно сейчас напомнить.

Уже после этих фактов была исключена из ВКП(б) и из Коминтерна часть «рабочей оппозиции» («рабочая группа» во главе с Мясниковым), болтавшая об основании нового «четвертого (!) интернационала», а на деле околачивавшая передние у вождей все того же второго интернационала и амстердамцев. Другая часть «рабочей оппозиции», оставшаяся в партии, как неоднократно было установлено, поддерживала связь с мясниковцами. Из статьи в ЦО («Правая опасность в нашей партии»; «Правда», 10 июня с. г., № 156) читатели знают, до чего докатилась оставшаяся в партии часть «рабочей оппозиции».

Где же теперь ее «левизна»? В поклоне иностранным капиталистам, в призыве к концессионерам «придти и володеть» нами. В ликвидаторстве по отношению к социалистическому строительству в нашей стране. В разнузданном ликвидаторстве по отношению к Коминтерну (дальные предложения коммунистам входить в социал-демократические, «социалистические» партии, поистине, ехать уже некуда!).

Это есть не «левизна», это—наиправейшее ликвидаторство явно меньшевистского толка.

Внутри страны оно неизбежно ведет к политическим выводам о ликвидации диктатуры пролетариата, о подготовке сдачи власти буржуазии через введение политической демократии, свобод для меньшевиков, эсеров, а также для господ концессионеров и т. д. Внутри партии оно подготовляет ликвидацию этой партии через разложение ее на «свободно борющиеся «группки», «группы» и фракции (в числе коих не последнюю роль будут играть сторонники нашего об'единения... с меньшевиками!). Это есть неслыханное в рядах партии ликвидаторство, пробравшееся в нашу партию под маской «левого» уклона, под маской «рабочей» (!?) оппозиции!

Этому ликвидаторству партия обязана об'явить решительную и беспощадную борьбу.

В недавней дискуссии некоторые товарищи выступали, направляя свои в высшей степени резкие нападения по адресу «правого уклона» в нашей партии, всячески выискивая «правый уклон» (выискивая его даже и там, где его не было). Никто не может опровергнуть, что в виде медведевско-шляпниковской платформы перед нами действительно наиболее типичный и наиболее ярко-выраженный, несомненный правый уклон. Этот уклон к тому же не случаен, он имеет историческую давность, с ним решительно боролся Ленин; этот уклон дал «отпрыск» и во внепартийную среду (мясниковщина) и т. д.

Поэтому и всякие попытки, со стороны тех или иных сторонников «привлечения всех бывших групп к руководству», прикрыть вреднейший и очевидный, явный для всех оппортунизм платформы тов. Шляпникова—Медведева, попытки взять этот оппортунизм под свою идейную защиту, сблокироваться с ним внутри партии против партии (ибо на какой же еще блок годна псевдо-«рабочая» оппозиция?!),—все подобные попытки должны получить отпор партии.

Ленин не учил нас идейному укрывательству оппортунизма в партии. Ленин допускал оставление «инакомыслящих» уклонистов внутри партии,—но с целью их исправления под коллективным влиянием партии, с целью возвращения их на партийные идейные позиции, а не с целью прикрытия оппортунизма. Он никогда не рекомендовал идейного попустительства оппортунистическим ошибкам, тем более он не допускал мысли о солидаризации с оппортунизмом. Только тот, кто в высшей степени легко и легкомысленно обращается с ленинскими принципами, для кого принципиальная сторона дела в политике отодвинута на десятый план, только тот может «прощать» и замалчивать крупнейшие оппортунистические идейные ошибки во имя ближайших практических и организационных целей, блокироваться с оппортунистами на основе «взаимопрощения» ошибок. Это—не ленинские, не большевистские приемы внутрипартийной политики.

В 1921 г. Ленин знакомил нас с рассуждением Милюкова по поводу кронштадтских событий: «лишь бы передвижка власти от большевиков, все равно, немного вправо, или немного влево, а остальное приложится» (Ленин). Внутренняя жизнь нашей партии так тесно связана со всей политической жизнью страны, что в последнее время все белогвардейские группы, а в особенности меньшевики, усиленно и на разные лады разрабатывают этот милюковский мотив по отношению к нашим внутрипартийным делам, всячески похваливая нашу внутрипартийную оппозицию. Особых похвал, со стороны «Социалистического Вестника», как известно, всегда удостоивалась «рабочая оппозиция». Но хвалили меньшевики и троцкизм, и новую оппозицию.

Наши враги, несомненно, ставят свою ставку на внутреннее разложение нашей партии, связывая с этим надежды на развал советской власти. Это было доказано и показано сотни и тысячи раз. Этого мы не можем забывать.

Борьба за правильную ленинскую линию, как с правыми, так и с левыми уклонами внутри партии, была и остается нашей важнейшей задачей. В этой борьбе—залог охраны единства нашей партии и тем самым залог охраны диктатуры пролетариата.

Идейная борьба внутри партии только тогда достигает цели, если в партии соблюдается нерушимая дисциплина, если фракционная работа действительно прекращается после соответствующих решений партии, вынесенных в итоге той или иной дискуссии, того или иного обсуждения. Словом, если безоговорочно соблюдается дисциплина партии.

«Строжайшая, железная» внутрипартийная дисциплина, о которой так часто напоминал партии Ленин, является необходимейшим условием работы партии, тем цементом, который скрепляет партию не только в одно идейно монолитное целое, но и в одно организационное целое.

Только демагог может противопоставлять партийную дисциплину—партийной демократии.

Партийная дисциплина, как и строжайший централизм, вытекают из существа нашей партии, боровшейся за завоевание диктатуры пролетариата и теперь руководящей диктатурой пролетариата. Отрицать или расшатывать дисциплину в партии может только тот, кто пренебрегает интересами диктатуры, кто, таким образом, не понимает, что укрепление диктатуры пролетариата есть основная и главнейшая задача ленинской партии.

Партийная демократия точно так же вытекает из существа нашей партии, являющейся партией пролетарских масс. Партия, борющаяся за укрепление диктатуры пролетариата, партия, строящая социализм, может быть только массовой партией пролетариата. Отрицать, подрывать или саботировать проведение демократии в партии в наших условиях может только тот, кто не понимает массового характера партии пролетариата, кто забывает о величайшей исторической задаче партии—поднять рабочую массу (и крестьянскую трудящуюся массу) до осуществления ею, под руководством партии, задач социалистического строительства. Ибо вопрос о демократии в

партии есть часть общего вопроса о пролетарской демократии в пролетарских организациях.

Не видеть органической связи между демократией и дисциплиной, взывать во имя демократии к ослаблению дисциплины может только тот, кто подменяет пролетарское понимание демократии—мелко-буржуазным пониманием, кто вместо задачи поднятия активности и сознательности пролетарских масс выдвигает задачу «привлечения к руководству» обанкротившихся группок, групп и фракций, добиваясь превращения партии из монолитной, ленинской, пролетарской,—в пеструю, «многоликую», расхлябанную, «лоскутную» мелко-буржуазную партию. Разве не полезно припомнить, как много справедливого говорилось (и совсем недавно) по поводу вредоносности в партийной жизни принципа «живи и жить давай другим», об опасности превращения ВКП(б)—в «Labour Party» и пр. теми товарищами, которые на XIV с'езде партии, к сожалению, по фракционным соображениям переменили фронт, изменив своей прежней линии в этом вопросе и целиком оказавшись на позициях столь решительно ими атакованного троцкизма?

Всякое нарушение дисциплины, а тем более фракционное нарушение дисциплины с целью подорвать единство партии,—должно найти у партии решительный отпор. Единство партии—это такой завет Ленина, от которого наша партия отступить не может и не отступит, ибо отступить в этом вопросе для нас означало бы «отступить» в вопросе о диктатуре пролетариата, начать «потихоньку и полегоньку» двигаться по пути сползания с хребта пролетарской диктатуры в болото мелко-буржуазной стихии. А такого торжества ленинская партия никогда не доставит врагам пролетариата.

В. Астров.

Тов. Преображенский на путях „углубленного исследования".

Книга тов. Преображенского «Новая экономика» составляет «первую теоретическую часть первого тома», «предпринятой автором работы по теоретическому изучению советской системы хозяйства» (стр. 5). Автор неоднократно подчеркивает, что он ставил себе целью дать «теорию советского хозяйства» (стр. 10), что эта книга посвящена «не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства» (стр. 212) и т. д. За первой частью последует вторая часть I тома—«Обзор социалистических и коммунистических представлений о социализме», том II будет посвящен конкретному анализу советского хозяйства, а также культурной проблеме.

Что будет заключаться в невышедших томах, мы не знаем, но следует предположить (это видно из плана работы), что теория советского хозяйства так, как она рисуется т. Преображенскому, в 1-й части I тома им уже дана. Эта книга, таким образом, вполне может быть принята, как законченное изложение основ «теории советского хозяйства» в понимании ее автора.

I.

„Теория" т. Преображенского и проблема „двухклассового общества".

В книге бросается в глаза ее основной методологический пробел, дающий неправильную установку всему теоретическому анализу т. Преображенского и являющийся главным источником его ошибок. Автор берет социалистические элементы нашего хозяйства в противопоставлении их частному хозяйству вообще, заключает в одни скобки все «досоциалистические формы хозяйства», смешивая в одну кучу и капиталистические и не-капиталистические (мелко-товарные, натуральные) крестьянские хозяйства. Не то, чтобы автор совсем не видел разницы между ними: он ее видит и кое-где оговаривает. Но эта разница в его схеме не существенна, и на главных формулировках его «основного закона» она совершенно не отражается, из них она бесследно исчезает. «Основной» закон развития социалистического сектора хозяйства, преодолевающего хозяйство частное, оказывается одним и тем же,—идет ли речь о взаимоотношениях социалистических элементов с мелкими крестьянскими хозяйствами, или с капиталистами, концессионерами и т. п.

Тов. Преображенский пошел на этот прием вполне сознательно, считая его правильным и закономерным. «Я перечисляю,—говорит он в ответе одному из своих оппонентов,—те пути и ме-

тоды, какими может осуществляться накопление в той его части, которая состоит в отчуждении прибавочного продукта частного хозяйства, при чем, кстати сказать, я говорю все время о всем частном хозяйстве, а не только о крестьянском хозяйстве» (стр. 258).

Автор книги повсюду говорит о росте социализма в период «первоначального социалистического накопления, за счет прибавочного продукта частного, в том числе крестьянского, в том числе и средне-крестьянского хозяйства» (стр. 212 и др.). Автор рассматривает все частное хозяйство, в том числе и крестьянское, «лишь как чужеродную среду» для социалистического хозяйства (стр. 117).

...«Первоначальным социалистическим накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом, либо одновременно (т.-е. одновременно с накоплением внутри социалистического хозяйства. *В. А.*) из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства» (стр. 58).

В «отчуждении рессурсов» из частного хозяйства, из «негосударственного круга», для автора состоит «основной закон нашего советского хозяйства», закон, которому «подчинены все основные процессы экономической жизни в круге государственного хозяйства», закон, играющий «центральную роль», который «определяет распределение средств производства в хозяйстве и распределение рабочих сил» и пр. и пр. (стр. 58).

Постановка вопроса у т. Преображенского слишком абстрактна, обща и недиалектична, а потому она и ведет к ошибкам. Конечно, все частные хозяйства отличаются тем, что они не социалистические. Конечно, можно найти известные общие принципы, с которыми социализм подходит ко всему частному хозяйству вообще. Но тот, кто на плоскости этих слишком общих принципов соблазняется построить очень простую и на взгляд стройную систему двух лагерей—на одной стороне социализм, на другой все прочее—и отыскать один «всеобщий» закон социалистического накопления за счет частного хозяйства для переходного периода [1], тот сам рискует впасть в излишнюю «простоту», а его схема останется грубым и политически вредным упрощенством.

Общая задача социалистического накопления (т.-е. задача расширенного воспроизводства социалистических отношений) по отношению к частному хозяйству во всех его видах состоит в том, чтобы преодолевать это частное хозяйство. Но, оставаясь в плоскости этого общего положения, «теоретик» советской экономики рискует остаться в сидячем положении на «плоскости». Ибо, как только встает вопрос о путях и методах преодоления частного хозяйства, оказывается, что социализм по разному преодолевает капиталистическое и мелко-крестьянское (и вообще мелкое) производство: 1) частью экспроприируя, частью вытесняя экономическими средствами капитализм (что не исключает частичного сотрудничества с капиталом в области экономики); 2) переделывая крестьянское хозяйство из инди-

[1] Что т. Преображенский на деле относит свой «закон первоначального социалистического накопления» ко всему переходному периоду, это мы увидим из дальнейшего.

видуального в общественное (что не исключает, а предполагает борьбу со стороны пролетариата за эту переделку).

Теория переходного периода никак не может обойти факта различия в отношениях социалистической промышленности к частному капиталу и к крестьянству, а «основной закон» т. Преображенского это различие целиком игнорирует. Между тем, оно приобретает исключительно важное значение вследствие глубоких причин.

Диктатура пролетариата не только политически, но и экономически коренным образом подорвала буржуазию, посредством экспроприации крупных предприятий. Но капитализм и буржуазия сильны, после завоевания власти пролетариатом, уже не столько сами по себе. Главная их сила теперь состоит в том, что капитализм имеет корни в мелком производстве. После укрепления диктатуры пролетариата центральное звено борьбы за обеспечение окончательной победы над капитализмом, вся основная стратегическая линия строительства социализма переносится сюда—в область отношений между социалистической и мелкокрестьянской экономикой, между рабочим классом и крестьянством в политике.

Здесь, по линии взаимоотношений социализма и мелкого производства подводится основной баланс успехов или неуспехов социализма, здесь намечается и проводится главная линия экономической и иной политики пролетарского государства. А отношение диктатуры пролетариата и ее государственного хозяйства к частному капиталу, во всех его видах, в огромной степени становится производной, зависимой величиной, так сказать, «функцией», отношений между социализмом и мелким производством. Например, когда у диктатуры пролетариата недостаточно возможностей установить непосредственную смычку с крестьянством без посредника, без «промежуточного звена», тогда в экономической политике диктатуры пролетариата, на известный момент, приобретает особо важное значение вопрос о допущении капитала к торговле, промышленности и кооперации (госкапитализм в начале нэпа). Когда меняется соотношение сил, и государственная промышленность начинает сама устанавливать смычку с крестьянством, тогда госкапитализм в значительной степени теряет значение «звена», за которое надо было в свое время «ухватиться», и роль такого звена переходит к социалистической кооперации, как основному методу установления непосредственной (хотя бы и через торговую связь) смычки с крестьянством. Но как в тот, так и в другой период суть нэпа остается в смычке пролетариата с крестьянством, нашей промышленности с крестьянским хозяйством, а не с хозяйством капиталистов («гос»—или без «гос»).

«В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т.-е. «буржуазия» (Ленин, ст. «Как нам реорганизовать рабкрин?»). Как представляется нам, теория переходного периода должна быть в своей основе теорией двухклассового общества (рабочие и крестьяне). С этого конца она должна начинаться. «Социализм плюс мелкое производство» здесь должны быть исходной ступенью абстракции, после чего в сферу анализа должен быть введен,

в порядке конкретизации вопроса, капитализм. У тов. Преображенского анализ советской экономики идет по другому направлению, начиная с совершенно с другого конца. Он даже не ставит отдельно, особо от капитализма, вопроса о мелком производстве и об отношениях между ним и социализмом.

А там, где этот вопрос т. Преображенским ставится, там автор либо заявляет, что ему по сему поводу ничего неизвестно (о «будущей» кооперации), либо он применяет к мелкому производству, на деле, ту же самую мерку, что и к капитализму (принцип «отчуждения»).

Между тем, вопрос о подходе к теории переходного периода со стороны анализа отношений «двухклассового» общества рабочих и крестьян диктуется нам не только опытом нашей революции. Мелкое крестьянство во всем мире составляет большинство населения. Так обстоит дело в современную нам эпоху краха империализма, в эпоху социалистических революций. Лишь в отдельных странах наиболее передового капитализма вопрос об отношении к мелкому производству, после победы пролетарской революции, может быть, будет модифицирован, видоизменен, как вопрос об отношении к мелкому капиталу (фермеры и т. п.). Но и там, несомненно, после экспроприации крупных капиталистов он будет основным вопросом для политики пролетариата по отношению к другим классам, потому что в порядок дня станет вопрос о преодолении мелкой собственности как базы для возрождения капитализма.

Мы не знаем, что тов. Преображенский напишет в следующей книге—«о социалистических и коммунистических представлениях о социализме». Но совершенно ясно, что он в своих представлениях о социализме не дорос до ленинского уровня. Он остается позади и тов. Бухарина, который, вслед за Лениным, в ряде своих теоретических произведений ставит вопрос об анализе двухклассового общества, как об основе основ теории переходного периода.

II.

„Теория" т. Преображенского, как обоснование политики экспроприации крестьянства.

Крестьянство и буржуазия, по «закону» тов. Преображенского, «уравнены» перед диктатурой пролетариата, так сказать, в своих «экономических правах»: основная экономическая задача диктатуры пролетариата и в том и в другом случае—«отчуждать». Отчуждать—в каких пределах? «Конечно,—поясняет тов. Преображенский (это необыкновенно замечательное «конечно»! *В. А.*),—в пределах экономически возможного, целесообразного и технически досягаемого» (как будто бы можно брать и то, что экономически и технически «недосягаемо»!..) (стр. 109).

Автор этого «универсального закона», действительного, будто бы, для всех стран («вероятно (?), этот закон имеет универсальное значение»,—сказано на стр. 101), называет его законом «первоначального» социалистического накопления. Период этого первоначального накопления длится, по Преображенскому, до тех пор, пока социалистическое накопление за счет «чужеродной среды» не уступит первенствующую роль внутрисоциалистическому накоплению (не станем приводить уже известных читателю «Большевика» цитат из разбираемой книги).

Но перестает ли действовать закон «отчуждения досягаемого» из «чужеродной среды», т.-е. из крестьянского хозяйства, по Преображенскому, с переходом в полосу «чисто-социалистического» накопления, т.-е. скажем, после выполнения, в основном, задачи индустриализации страны? При ближайшем рассмотрении оказывается, что он нисколько не перестает действовать и определяет политику социалистического государства вплоть до осуществления полного социализма. По мере приближения к социализму, сужается лишь поле действия «закона», поскольку мелкое производство будет играть количественно меньшую роль по сравнению с обобществленным. Основная же линия взаимоотношений с крестьянством для нас в тот период остается та же, что и сейчас, т.-е. «отчуждение» прибавочного продукта крестьянского хозяйства, его «эксплоатация» [1]. Мало того: эта «эксплоатация» должна становиться тем интенсивнее, чем ближе мы будем подходить к построению социализма.

Ошибается тот, кто трактует Преображенского иначе. Стоит только продумать следующую цепочку цитат из его книги:

1. «Идут ли стихийные тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что достижимо для экономической политики государства?—Разумеется, идут» (стр. 212).

2. «Пролетарское государство одновременно и руководит государственным хозяйством и руководит политикой внутренней и внешней, стремясь к сохранению данной системы, к ее укреплению, к победе в ней социалистических начал. Оно встречает при этом противодействие со стороны мирового капитализма извне, частного хозяйства—внутри. В результате линия его экономической политики, реальные результаты, достигаемые в хозяйственной области, пролегают не по линии оптимума закона первоначального накопления, а по линии некоторой равнодействующей, складывающейся в результате данного соотношения сил между социалистическими тенденциями и встречаемыми на их пути противодействующими влияниями» (стр. 27).

3. (На следующую цитату мы обращаем особое внимание читателя): «Чем страна, где начинает бороться за свое существование и развитие социалистический сектор хозяйства, является более крестьянской, менее пролетарской, тем реальная экономическая политика рабочего государства должна больше (курс. автора) отклоняться от теоретически мыслимой прямой (т.-е. от оптимума; как было сказано Преображенским во 2-й цитате. *В. А.*) закона социалистического накопления или, что одно и то же, закона

[1] Тов. Преображенский, мягко выражаясь, втирает очки читателям, заявляя, что он отказался от термина «эксплоатация» в отношении крестьянства. Вычеркнув из прежнего текста статьи («О законе перв. соц. нак.») место, где говорилось об эксплоатации крестьянства, он всюду и везде говорит теперь об «эксплоатации остальных способов производства» (стр. 110), об «эксплоатации мелкого производства» (215),—словом, «тех же щей, но пожиже влей».

расширенного социалистического воспроизводства [1]). Чем более
крестьянской является страна, тем более абстрактным должен
быть метод исследования, потому что тем важней будет отделить
в политике государства то, что **диктуется** (курс. автора) за-
коном соцнакопления и что **навязывается** (курс. автора) кре-
стьянским характером страны. **Чем страна является более**
индустриальной, тем менее, при анализе ее социали-
стического воспроизводства, **линия действия этого за-**
кона в чистом виде будет отклоняться от реальной
экономической политики рабочего государства,
тем меньше придется прибегать к абстракции» (стр. 273; послед-
ний курсив наш. *В. А.*).

Итак, что мы видим?

а) Социалистическое государство стихийно стремится «отчу-
дить» больше того, что возможно и «досягаемо»;

б) ему «противодействует» частное хозяйство; посему «опти-
мума» в деле отчуждения достичь не удается;

в) чем более отстала страна, тем больше противодействия со
стороны крестьянства, которое «навязывает» государству «откло-
нение» от «прямой», от того, что «диктуется» законом;

г) чем более индустриально развита страна, тем меньше
«реальная политика» отклоняется от мыслимой прямой закона, по-
тому что **тем менее сопротивление частного хозяй-**
ства,—иными словами, только здесь государство во-всю «раз-
вертывает» свои «стихийные», «эксплоататорские» (положительно,
крестьянам нечего бояться этого слова, ведь речь идет об «экс-
плоатации» не их самих, а их... хозяйства!) наклонности и на-
мерения.

Мы видим, таким образом, что эта теория «первоначального»
социалистического накопления построена на явном внутреннем
противоречии.

С одной стороны, ее автор утверждает, что «отчуждение рес-
сурсов» из частного,—сиречь крестьянского,—хозяйства для нужд
социалистического накопления будет иметь все меньшее и мень-
шее значение по мере индустриализации страны и нашего при-
ближения к социализму. «Отчуждение» или «эксплоатация» ри-
суется нам, как-будто бы, фактом **убывающего** значения. Есте-
ственно поэтому ожидать и соответствующего вывода: чем бли-
же к социализму, тем «мягче» будет «отчужденческий» нажим
на мелких крестьян, тем большее значение приобретут главные
(по убеждению ленинцев, конечно) формы вовлечения крестьян
в социализм, основанные на принципе добровольности и заинте-
ресованности самих крестьян. Словом, период «после-первоначаль-
ного» соцнакопления предстает перед тов. Преображенским, как
период ослабления налогового пресса, снижения цен на пром-
товары и т. п. Так, по крайней мере, его может понять това-
рищ, желающий найти некоторое извинение его теории в том,
что она «действительна»-де только для «начального» периода
диктатуры пролетариата (или товарищ, делающий последние без-
надежные попытки согласовать эту теорию с ленинизмом).

[1]) Нельзя не обратить внимания, что здесь т. Преображенский снова и снова приравнивает «закон **первоначального** социалистического накопления» «закону расширенного социалистического воспроизводства», т.-е. закону социалистического накопления **вообще**. И это - после того, как он обвинял тов. Бухарина в «придирчивости», когда последний указывал Преображенскому на неясность его терминологии.

Но вот, оказывается, что все эти выводы совершенно **чужды** духу теории Преображенского. Оказывается, что читатель мог притти к ним только благодаря забавной (и хитроумной) тактической маскировке, к которой прибег автор разбираемой «теории».

Удельный вес внутрипромышленных накоплений в общей сумме накоплений страны, действительно, будет расти по мере индустриализации страны. Кто же этого не понимает? Но **только** в этом «трюизме» (по справедливому замечанию т. Бухарина), только в констатации этого **самоочевидного** факта и состоит та доля «**обоснованности**», которая в «теории» т. Преображенского заключена. Однако, **признание** этого факта еще не разрешает вопроса о том, как будет **изменяться** наше отношение к крестьянству в связи с успехами индустриализации страны? Будет ли в этом отношении элемент «отчуждения прибавочного продукта» играть **все возрастающую** или **все убывающую** роль?

И если т. Преображенский, вопреки Ленину, неоднократно говорившему о временном характере налога, о переходе к правильному продуктообмену с крестьянством и пр.,—считает неизбежными все возрастающую роль «отчуждения», все большее приближение «реальной политики» к «оптимуму» отчуждения и «эксплоатации», то это происходит потому, что т. Преображенский **не понял,—или не принял,—ленинской теории кооперации**. Его «основной закон» **якобы**-«первоначального» соцнакопления, по сути дела, является «**основным законом» отношений между социализмом и мелким производством на весь период диктатуры пролетариата, законом, претендующим заменить собою ленинскую теорию кооперации.**

Что такое «учение» Преображенского, если это «учение» не остановится на полуслове, если автор договорит его **до конца?**

Это есть **теория экспроприации крестьянства**, теория своеобразной «**третьей революции**», которую диктатура пролетариата должна проводить в деревне, как только это будет в пределах ее «экономической возможности», **как только это будет** «**технически досягаемо**»,—т.-е. как только в стране бесповоротно укрепятся командные экономические высоты социализма. Ибо «**недосягаемость**»—**это единственная грань**, которую автор «закона» ставит «стихийным тенденциям» к отчуждению со стороны государства. **Другой** грани, которая для марксиста и ленинца дана их принципиальным отношением к мелкому производству, которое должно быть методами экономической заинтересованности вовлечено в общественные формы хозяйства,—у тов. Преображенского нет.

Раз «основной закон» состоит **лишь** в том, чтобы «отчуждать» крестьянский прибавочный продукт, елико возможно и «досягаемо», то ясно, что при **росте** наших экономических и технических возможностей, **раньше или позже, вопрос об отчуждении** **прибавочного** **продукта** **перерастет, превратится** **в вопрос об «отчуждении» мелкого производителя от его средств производства, об** **экспроприации хозяйства** **мелкого производителя.**

Где будут мотивы, которые проводников закона т. Преображенского (надеемся, что диктатура в нашей стране никогда не

попадет в их руки) удержали бы от акта этой экспроприации, если единственное, что их удерживает сейчас от проведения в жизнь мыслимой прямой, это есть соображения экономической и технической (и политической, прибавим мы, хотя это весьма мало заботит «чистого» экономиста, т. Преображенского) *недосягаемости*?

В один прекрасный день покажется «досягаемым», и герои «первоначального социалистического накопления»—«рискнут»!

Спрашивается теперь, что есть *ленинского* в «законе первоначального социалистического накопления»? Ни более, ни менее, как ничего.

Ленинское отношение к крестьянству не допускает перспективы насильственной экспроприации мелкого крестьянства. Ленинский план перехода крестьянских хозяйств к социализму через кооперацию предполагает *добровольность* этого перехода на основах экономической *выгодности*, такого перехода для самих мелких производителей,—на основах их хозяйственной заинтересованности. Убеждение в *неизбежности* такого перехода базируется на научном познании действительного экономического *закона*, гласящего, что при современной технике город ведет за собой деревню, а, следовательно, социалистическая промышленность может повести—и неизбежно, при правильном руководстве ею, экономически, без экспроприации,—*поведет* за собой к социализму крестьян.

Характерно предложение т. Преображенского об изменении названия нашей экономической политики. Увлекшись «свеженькой», изобретенной им терминологией, которую он вдобавок скверно продумал, тов. Преображенский предлагает нам вывести из обихода наименования: «новая экономическая политика» и «эпоха нэпа» и заменить их: «политикой» и «периодом социалистического накопления» (стр. 108). И все это на том основании, что тов. Преображенский, по его словам, «рассчитывает на беспристрастную оценку со стороны нашей *учащейся* (такие надежды, во всяком случае, не новы. *В. А.*), а особенно рабочей (простите, но последнее уже прибавлено только для отвода глаз. *В. А.*) *молодежи*, а также на отзыв *всех тех, кому общие фразы о нэпе давно уже надоели* своей *бессодержательностью* и кто для ориентировки во все более усложняющейся обстановке *ищет выхода на путях более углубленного исследования* нашей обстановки» (стр. 274).

Итак «нэп»—это уже «бессодержательная фраза». Все, что говорил Ильич о нэпе,—будто бы суть нэпа в смычке пролетариата и его промышленности с крестьянством и с крестьянским хозяйством, что мы должны переходить к правильному социалистическому продуктообмену с крестьянством,—все это теперь уже не удовлетворяет «углубленного» исследователя. Вместо эпохи нэпа должно воссиять что-то в роде «ППС» («период первоначального соцнакопления»).

Это значит, что *суть* нашей экономической политики отныне, после прихода нового учителя социализма и коммунизма, для пролетариата состоит уже *не в союзе с крестьянством*, а в «отчуждении прибавочного продукта» «частного хозяйства вообще»,—в том числе и крестьянского продукта. Даже сохраняя самую высокую ступень теоретической деликатности, придется его

взгляды на нэп сформулировать так: «суть-то нэпа в союзе с крестьянством, но *суть-то союза* этого состоит в эксплоатации одним союзником «хозяйства» другого союзника и в пожирании этого «хозяйства» (термин «пожирание», как известно, принадлежит Преображенскому).

Неужели же все это и есть «углубление» нашей теории? Нет ли тут в слове «углубление» какой-нибудь «досадной опечатки»?

Что «первоначальное социалистическое накопление», в котором т. Преображенский видит суть нэпа, обозначало для крестьянства действительно эксплоатацию, ведущую к экспроприации, т.-е. к разорению крестьянской массы, это видно, хотя бы, из откровения ярого сторонника теории т. Преображенского—тов. Оссовского, заявившего, как известно, что советская власть должна брать с крестьян *не меньше, чем брал царский режим, не меньше, чем русские помещики и капиталисты*. Если уж политика царизма не была политикой эксплоатации, пауперизации и экспроприации крестьянства, то что же тогда называть эксплоатацией, пауперизацией и экспроприацией?..

Этот замечательный «лозунг» «сверх-индустриализма» тов. Оссовский, в сущности, списал у т. Преображенского, который, например, говорит, что наша политика цен должна быть «*лишь* (!) формой *налогового обложения*» (стр. 87), и что с этой целью на цены продуктов промышленности мы должны *делать надбавки большие, чем это делает капитализм* (при чем речь идет о современном монополистическом капитализме, об *империализме*). Может ли такая политика *привлечь* к советской власти крестьян—пусть догадывается читатель:

«Неэквивалентность обмена, которой он (т.-е. закон первоначального социалистического накопления. *В. А.*) требует и в сфере товарообмена, есть *не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого*» (стр. 249; курсив наш. *В. А.*) [1]).

Говоря о монопольных ценах, как об орудии первоначального капиталистического накопления, т. Преображенский совершенно забывает, что они являются для капитализма не просто средством перекачки *прибавочного* продукта крестьян в капиталистические несгораемые шкафы, но именно орудием *экспроприации* (или же пауперизации) крестьянской *массы* [2]).

---

[1]) В этом вопросе в особенности поражаешься экономистским (не экономическим, а именно *экономистским*) подходом к вопросу со стороны «углубленного исследователя» нашей эпохи. Презрение к *политике* здесь так ярко выражено, что сия теория «новой экономики» вполне заслуживает наименования новейшего *экономизма*.

[2]) Ратуя за использование «исторического наследства» монополистического капитализма в виде монопольных цен, тов. Преображенский хватается, опять-таки, фатальным образом, за паразитические черты империализма, вместо того, чтобы сосредоточить свое внимание на чертах, исторически прогрессивных по сравнению с ранним капитализмом. Система мобилизации общественного капитала в империалистических странах имеет в своем арсенале не только политику налогов и монопольных цен, но и такие орудия, как внутренние займы, кредитные учреждения, сберегательные кассы и пр. Внося в них сбережения, мелкий производитель не «отчуждает» их капиталистам, а *зачн*-

Не случайно теоретические построения тов. Преображенского находят свое логическое увенчание, по сути дела, в перспективе экспроприации крестьянства. Происходит так потому, что осью этих построений является неправильно примененная аналогия «первоначального социалистического» накопления с первоначальным капиталистическим.

Неправильное применение этой аналогии дается уже тем, что т. Преображенский почти везде, во всяком случае в решающих пунктах своего анализа, неправильно трактует сущность процесса первоначального капиталистического накопления. Для него первоначальное капиталистическое накопление есть «накопление вне круга капиталистического производства», «систематический грабеж мелкого производства», «ограбление мелкого крестьянского производства» (стр. 59) и т. д. Все эти «определения» хороши для беллетристики, они очень «читабельны», они описывают процесс первоначального капиталистического накопления. Но они не являются теоретическими определениями, во всяком случае, они не соответствуют теории Маркса, а ходят лишь «вокруг да около» этой теории.

Тов. Преображенский удивительным образом пропустил мимо ушей ту цитату из Маркса, которую он же сам, в порядке «воспоминаний» о первоначальном капиталистическом накоплении, приводит (на стр. 89 своей книги):

«Следовательно,—пишет Маркс,—так называемое первоначальное накопление есть лишь (подчеркиваем мы. *В. А.*) исторический процесс отделения производителей от средств производства (курсив снова наш. *В. А.*). Он представляется «первоначальным», так как образует под'историю капитала и соответствующего ему способа производства» («Капитал», т. I, стр. 731).

Приведя эту цитату, тов. Преображенский здесь же перефразирует ее, говоря, что «отделение производителя от средств производства» есть «основная задача (не «задача»,—а основное содержание и сущность процесса. *В. А.*) первоначального накопления». Но дальше этой неудачной перефразировки дело у тов. Преображенского не идет. Ниоткуда не видно, чтобы он, рассуждая об аналогии между первыми шагами капитализма и социализма, учел такое «небольшое» обстоятельство, как сущность процесса первоначального капиталистического накопления.

Если бы он несколько задумался над этим, он волей-неволей подошел бы к тому важнейшему пункту теории переходного периода, мимо которого он с такой легкой душой прошел: к вопросу об отношении социализма к мелкому производству. Он должен был бы дать и прямой ответ, не заставляя читателей и критиков тратить время на распутывание далеко не диалектических противоречий его «теории»: «отделяет ли социализм крестьянина от средств производства», т. е. пролетаризует ли его, экспроприирует ли,—или же социализм совершенно иными способами развивается «за счет круга» (по излюбленному выраже-

интересовывается в оборотах капиталистов. Подобно этому и наши сберегательные кассы, банки, «крестьянский заем» и т. п. не укладываются в разряд средств «отчуждения». Между тем, они имеют, несомненно, огромное будущее в деле мобилизации крестьянских накоплений для социалистического строительства.

нию «новейшего экономиста») досоциалистических хозяйств в их крестьянской части?

Да, или нет? Стоило бы прямо ответить на этот вопрос—как сразу же тов. Преображенский перестал бы плутать в противоречиях своей теории. В одном случае он открыто пересмотрел бы теорию Ленина о кооперации. В другом случае он отказался бы от аналогии между первоначальным социалистическим и капиталистическим накоплением,—во всяком случае не основывал бы на этой аналогии своего «основного закона» советской экономики.

В соответствии с этим, автор был бы принужден, исследуя вопрос об использовании частных накоплений социалистическим сектором, провести грань между капиталистическим и крестьянским хозяйством. В первом случае «отчуждение» рассчитано на вытеснение, а в известные периоды (начало революции) на экспроприацию «частника». В отношении же крестьянина «отчуждение» может вестись только так и в таких размерах, чтобы исключать перерастание «перекачки» в экспроприацию и пауперизацию, не только не задерживать, но в конечном счете еще более **способствовать** (через развитие промышленности и пр.) росту середняцких хозяйств и их кооперированию. Все это осталось за семью печатями для «теории» тов. Преображенского.

III.

Как «преображен» ленинизм в вопросе об укладах нашей экономики?

Схема «двух лагерей» (социализм и «частное хозяйство») не только ничего не уясняет в вопросе о путях дальнейшего развития социализма, не только не выполняет роли инструмента теоретического предвидения, но еще и безысходно запутывает автора, как только он пытается эту схему приложить к конкретным явлениям нынешней советской экономики.

Заключив в одни скобки капиталистическое и мелко-крестьянское хозяйство, т. Преображенский, понятно, ничего путного (и почти вообще ничего) не мог сказать о роли кооперации в процессе переделки крестьянского хозяйства. Его запоздалые оправдания перед тов. Бухариным по этому вопросу (в «Ответе», стр. 220 и др.) носят «вымученный» характер и пришиты к общей его теории, как это ясно каждому, белыми нитками.

Совершенно вне поля зрения тов. Преображенского остался вопрос о формах крестьянского накопления (кулацкое и середняцкое накопление, кооперативное накопление и т. д.). Проблема роста массы середняцких хозяйств, являющихся базой для кооперации, рассматривается автором исключительно с узкой точки зрения: «брать больше (по сравнению с капитализмом. *В. А.*) с еще большего дохода». Внутренние экономические процессы деревни не интересуют т. Преображенского, выпадают из его поля зрения. В отдельности о бедняцком, середняцком и кулацком хозяйствах наш автор ничего не говорит.

Словом, теория т. Преображенского, благодаря ее неправильной установке, игнорирует целый ряд явлений, призванных играть важнейшую роль как в современной переходной экономике, так

и в будущей. Вместе с тем, вот как «теоретически» трактует вопрос об обмене в СССР:

«Обратимся, — говорит он, — к внутренней торговле. Здесь мы должны различать: 1) обмен внутри круга самого государственного хозяйства; 2) обмен внутри частного хозяйства; 3) обмен веществ между кругом государственного хозяйства и частным хозяйством» (стр. 74).

И все. Если хочешь остаться верным и добросовестным приверженцем закона «первоначального» социалистического накопления, то ты ничего более не обязан «различать» во внутренней торговле.

Спрашивается, куда годна такая «теория» обмена в СССР? Разве мы не должны «различать»: 1) обмен между госпромышленностью и частным капиталом, 2) обмен между госпромышленностью и мелким крестьянским хозяйством, 3) обмен между крестьянским хозяйством и частным капиталом? Мы не говорим уже о капитализме государственном, роль которого у нас равнозначна роли частного капитала и обмен с которым следует, поэтому, «различать» от обмена с частным капиталом. Или все это нам не важно? Или это такая презренная практика, что она недостойна тончайшего «теоретико-экономического» ланцета тов. Преображенского?.. Но ведь от того, с кем будет торговать крестьянство, кажется, зависит: будет ли у нас расти капитализм или социализм!?

Нет, у тов. Преображенского не теория, а сплошной конфуз: как для нашего «будущего», так и для настоящего, ее познавательная ценность даже не ноль, а минус единица; потому что такая теория вовсе не бесплодна: она неизбежно должна повести и к практическим ошибкам.

Куда заводит тов. Преображенского его плоское представление о нынешней нашей экономике, как о «двух лагерях», видно из следующего. Совершенно позабыв о ленинском требовании «перечисления всех, обязательно всех» пяти укладов нашей экономики [1) социализм, 2) госкапитализм, 3) частный капитализм, 4) мелкое товарное и 5) натуральное хозяйство], вымазав одним сплошным желтым цветом («частное хозяйство») четыре из этих, указанных Лениным, пяти укладов, Преображенский этим не довольствуется. Он начинает искать даже одну хозяйственную форму, которая у нас, будто бы «господствует».

«Но анализ системы хозяйства, — пишет т. Преображенский, — где действуют два основных закона (т.-е. в данном случае, законы ценности и «соцнакопления». *В. А.*) крайне затрудняется в том случае, когда исторически прогрессивной формой (речь идет у автора об экономических формах. *В. А.*) является не та, которая уже господствует в экономике, а та, которая лишь превращается в господствующую. А так именно обстоит дело в нашей советской системе хозяйства. Затруднение, как это будет более подробно развито впоследствии, возникает здесь при анализе роли третьей экономической силы. В данном случае, дело идет о мелком производстве» (стр. 51 курсив наш. *В. А.*).

Итак, какая же «форма» «господствует» в «нашей советской экономике», по буквальному смыслу этих слов? Это, во-первых, не та, которая «исторически прогрессивна», т.-е. не

социализм. Во-вторых, это не та «третья экономическая сила», с которой, как совершенно справедливо сознается автор, у него возникли «затруднения» (а при проведении его теорий в жизнь возникли бы и недоразумения). Стало быть, это — капитализм? Так оно и явствует из всего смысла сказанного т. Преображенским.

Самая возможность подобной оговорки, противоречащей, казалось бы, ряду других положений автора, создается тем, что т. Преображенский на деле включает мелкое производство в рубрику капитализма, не делая различия между ними в вопросе об отчуждении продукта. Но нельзя не видеть в этой характерной «оговорке» стихийный продукт такой теории, которая пренебрегла вопросом о не-капиталистическом развитии деревни при диктатуре пролетариата, по поводу кооперации заявила, что здесь, в сущности, еще ничего определенного неизвестно, а весь анализ советской экономики ведет на основе размежевания двух лагерей: социализм и капитализм, испытывая хронические «затруднения» с мелким производством и включая его, фактически, в лагерь капитализма.

Настроившись на мрачный камертон по поводу печального факта «господства» капитализма в «новой экономике», т. Преображенский, в силу логики своей позиции, подвергает сомнению и подлинно-социалистический тип наших государственных предприятий. И с социалистическим элементом в нашей экономике у т. Преображенского «возникают затруднения». На стр. 102 у него фигурируют два «периода»: «период предварительного социалистического накопления» и «период подлинно-социалистической промышленности» (?). Получается вывод о «неподлинности» социалистического характера госпромышленности в настоящий период.

«Социалистическое накопление в подлинном (курсив наш. *В. А.*) смысле этого слова», по т. Преображенскому, у нас в госпредприятиях еще не происходит. Здесь накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинно-социалистического хозяйства» (стр. 55, 58). Остается тов. Преображенскому произвести еще одно переименование, отказавшись еще раз от ленинских «общих фраз»: назвать наши госпредприятия предприятиями «предварительно-социалистического типа»!

Это было бы достойным увенчанием «преображенного» тов. Преображенским ленинизма, являющегося ревизией ленинских взглядов на советскую экономику.

* * *

Мы поставим перед читателем такой вопрос: не является ли теория тов. Преображенского оборотной стороной неверия в социалистические пути нашего развития, оборотной стороной сухановщины?

Приглядевшись ко всей этой «теории» в целом, каждый увидит, что дело именно так и обстоит. Разница, по сравнению с сухановцами чистого типа лишь та, что те совсем не рекомендовали нам совершать Октябрьскую революцию в отсталой стране, а «сухановец-наизнанку» тов. Преображенский из факта отсталости нашей страны делает заключение о невозможности вовле-

чения крестьян в социализм иначе, как посредством усиленной «эксплоатации» (сводящейся, в конечном счете, к политике экспроприации) массы крестьянства, не веря ни на грош в возможность для нас привести крестьян к социализму, исходя из их собственных экономических интересов. Иными словами, первые, будучи более последовательны, предлагали диктатуре пролетариата не рождаться на свет, а тов. Преображенский подсказывает ей политику, сводящуюся в конце концов к самоубийству,—ибо разрыв с крестьянством, которым чревата политика «сверх-индустриализма», ничего иного для диктатуры пролетариата, кроме самоубийства, означать не может. Если автор закрывает на это глаза, то это не делает чести его «чисто-экономическому» анализу. Это говорит лишь о том, что игнорирование политических моментов, которое наш экономист ставит себе в заслугу, служит ему плохую службу.

У большевистской же партии нет никаких оснований сбиваться с ленинского шага, на чей-либо чужой шаг. Ни в сторону одной, ни в сторону другой разновидности «сухановщины» партия не сделает ни одного шага.

В. Карпинский.

Новое течение в нашей политике*).

(К вопросу о расширении круга избирателей).

Со времени новой экономической политики и в связи с ней возник целый ряд вопросов, относящихся к основам советской государственности и нашедших определенное разрешение в нашем законодательстве, но до сих пор не привлекших к себе достаточного внимания партии. Эти вопросы ближайшим образом касаются советской избирательной системы, но по существу их политическое и теоретическое значение гораздо шире и глубже.

Сначала мы изложим фактическую сторону дела, извиняясь перед читателем за сухие, но совершенно необходимые для дальнейшего подробности. Затем дадим мотивировку нового курса в советском избирательном праве со слов сторонников этого курса. И, наконец, сделаем критический анализ приводимых в защиту его теоретических и практических доводов.

I.

Первый вопрос—о наемном труде в сельском хозяйстве и, в связи с этим, об избирательных правах крестьянина. Как известно, первоначальный «основной закон о социализации земли», принятый ВЦИК 27 января 1918 года, предоставлял право на пользование землей «лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом», разрешал брать землю в пользование лишь в размере «потребительно-трудовой нормы данного пояса» (см. статьи 3, 13, 25). «Тайное применение наемного труда» в частных земледельческих хозяйствах закон карал отобранием земли (см. статью 53, «г»). Закон запрещал также куплю, аренду, дарение, наследование и вообще какие бы то ни было частные сделки на землю (см. статью 39, примечание 3).

Этот закон, разработанный эсэрами, исходил из наивного представления о социализации сельского хозяйства в виде уравнительной дележки земли и об установлении социалистических отношений в среде мелких производителей путем «запрещения» наемного труда. Но партия приняла этот декрет, с одной стороны, как несомненное отражение тогдашней воли крестьянских масс, стремившихся таким путем радикально покончить с помещичьим землевладением и выражавших в такой форме свои чаяния лучшей жизни, а с другой стороны—как меру, в определенной степени соответствовавшую целям партии. Принятием этого декрета партия получала возможность: 1) провести национализацию земли, представляющую при власти пролетариата безусловный шаг к социализму; 2) лишить политических прав все эксплоататорские слои, что послужило партии могучим орудием в острой борьбе с буржуазией, городской и деревенской.

*) Статья тов. Карпинского печатается в порядке обсуждения.

Конституция 1918 года предоставляла избирательные права лишь лицам, занимающимся производительным и общественно-полезным трудом, при чем в перечне этих лиц о крестьянах сказано так: «крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» (статья 64). Конституция категорически лишала избирательных прав лиц, «прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли» (ст. 65, п. «а»).

Конечно, жизнь скоро обнаружила полную несостоятельность мелко-буржуазных представлений о социализме и потребовала отступлений от закона о «социализации земли». Партия на эти отступления пошла, ибо, если они чему противоречили, то лишь эсэровской фантастике, а никак не марксистскому представлению о путях мелкого крестьянства к социализму. 30 октября 1922 года ВЦИК принял земельный кодекс, взамен закона о «социализации земли». Новый декрет допустил для временно ослабленных по разным причинам крестьянских хозяйств «временную переуступку прав на землю трудового пользования» (т.-е. аренду) на срок не свыше одного севооборота и разрешил применение «вспомогательного наемного труда» для хозяйств, не могущих «выполнить своевременно необходимые сельско-хозяйственные работы» (статьи 28, 29, 39). Правда, кодекс оговаривает, что «аренда допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства» (ст. 31). И наемный труд разрешается «лишь при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т.-е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства» (ст. 40). Изживание эсэровщины в декретах, регулирующих экономические отношения в деревне, происходит, как мы видим, с постепенностью. Но тем не менее наемный труд и аренда в сельском хозяйстве в известных пределах уже признается законом. Земельный кодекс содержит даже особую статью (41), требующую соблюдения, при найме рабочей силы крестьянином, законов об охране и нормировке труда.

Вслед за изданием земельного кодекса появляется, 24 октября 1923 года, циркуляр ВЦИК, раз'ясняющий в добавление к его инструкции о перевыборах 1922 года, что «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в порядке статей 39, 40, 41 земельного кодекса РСФСР, избирательных прав не лишаются». В 1924 году подобный пункт вводится уже в избирательную инструкцию ВЦИК, а также в инструкции других ЦИК. 16 января следующего года такой же пункт, в общей формулировке, включается в инструкцию о выборах, изданную ЦИК СССР (примечание 1 к п. 20). Наконец, та же мысль проводилась в проекте измененной конституции РСФСР, опубликованном перед XII с'ездом советов 3 мая 1925 года. В этом проекте читаем: «69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли вне порядка, установленного земельным законодательством СССР и земельным кодексом РСФСР...» Иначе сказать: по мысли составителей проекта, лица, извлекающие прибыль от применения наемного труда в п о р я д к е з е м е л ь н о г о з а к о н о д а т е л ь с т в а, не лишались бы избирательных прав уже на точном основании самой конституции. Эта формулировка, по инициативе ЦК ВКП(б), была снята из проекта, и этот пункт был оставлен без изменения в старой редакции. Но дело на этом не кончилось.

В 1925 году партия признала необходимым, в целях скорейшего развития производительных сил деревни, пойти еще дальше в отмене ограничений для найма труда и для аренды в сельском хозяйстве. 18 апреля СНК СССР издал «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», а 24 июля СНК РСФСР выпустил инструкцию к этим правилам. Правила и инструкции подразделяют крестьянские хозяйства на два разряда: 1) «хозяйства как на землях трудового пользования, так и арендованных, ведение хозяйства в которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер»; 2) «хозяйства промышленного типа». Временные правила распространяются только на хозяйства первого разряда; для хозяйств же промышленного типа, категорию которых определяют местные органы власти, сохраняют силу постановления об условиях труда в совхозах. Из рассмотрения правил легко убедиться, что ими д о п у с к а е т с я ш и р о к о е п р и м е н е н и е в к р е с т ь я н с к и х х о з я й с т в а х н а е м н о г о т р у д а р а б о ч и х к а к в р е м е н н ы х, т а к с е з о н н ы х и г о д о в ы х, п р и ч е м ч и с л о р а б о ч и х т о ч н о н е о п р е д е л я е т с я, а с т а в и т с я л и ш ь в з а в и с и м о с т ь о т л и ч н о г о у ч а с т и я в р а б о т а х д о м о х о з я и н а и е г о с е м ь и. Кроме того, в правилах условия найма для нанимателя значительно облегчаются по сравнению с кодексом труда. Одновременно, в порядке циркуляра НКЗ РСФСР (от 21 мая) и НКЗ-ов других республик, была допущена беспрепятственная сдача земли в аренду крестьянами во всех случаях, кроме полного прекращения самостоятельного хозяйства и прекращения личного участия семьи в работах. Срок аренды был удлинен до 12 лет. Размеры арендуемой площади могут быть рассчитаны не только на семью с'емщика, но и на наемную силу со стороны, лишь бы при этом соблюдались «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Этим возможность широкого применения наемного труда в крестьянских хозяйствах была еще более усилена.

Вслед за этими постановлениями в новую избирательную инструкцию ВЦИК (от 13 октября 1925 года) вносится прямая ссылка на только что упомянутые правила. В п. 18 этой инструкции говорится, что не лишаются избирательных прав «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Такие же пункты появляются осенью 1925 года в избирательных инструкциях ЦИК УССР, БССР и других республик.

Мы видим, таким образом, что почти в с е к р е с т ь я н с т в о п о л у ч и л о з а к о н н о е п р а в о п р и м е н е н и я н а е м н о г о т р у д а в с в о и х х о з я й с т в а х б е з в с я к о г о у щ е р б а д л я с в о и х и з б и р а т е л ь н ы х п р а в. Исключение составляет лишь совершенно ничтожное у нас число владельцев крупных хозяйств,

Конституция 1918 года предоставляла избирательные права лишь лицам, занимающимся производительным и общественно-полезным трудом, при чем в перечне этих лиц о крестьянах сказано так: «крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли» (статья 64). Конституция категорически лишала избирательных прав лиц, «прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли» (ст. 65, п. «а»).

Конечно, жизнь скоро обнаружила полную несостоятельность мелко-буржуазных представлений о социализме и потребовала отступлений от закона о «социализации земли». Партия на эти отступления пошла, ибо, если они чему противоречили, то лишь эсэровской фантастике, а никак не марксистскому представлению о путях мелкого крестьянства к социализму. 30 октября 1922 года ВЦИК принял земельный кодекс, взамен закона о «социализации земли». Новый декрет допустил для временно ослабленных по разным причинам крестьянских хозяйств «временную переуступку прав на землю трудового пользования» (т.-е. аренду) на срок не свыше одного севооборота и разрешил применение «вспомогательного наемного труда» для хозяйств, не могущих «выполнить своевременно необходимые сельско-хозяйственные работы» (статьи 28, 29, 39). Правда, кодекс оговаривает, что «аренда допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства» (ст. 31). И наемный труд разрешается «лишь при непременном сохранении применяющим его хозяйством своего трудового строя, т.-е. при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими принимают участие в работе хозяйства» (ст. 40). Изживание эсэровщины в декретах, регулирующих экономические отношения в деревне, происходит, как мы видим, с постепенностью. Но тем не менее наемный труд и аренда в сельском хозяйстве в известных пределах уже признается законом. Земельный кодекс содержит даже особую статью (41), требующую соблюдения, при найме рабочей силы крестьянином, законов об охране и нормировке труда.

Вслед за изданием земельного кодекса появляется, 24 октября 1923 года, циркуляр ВЦИК, раз'ясняющий в добавление к его инструкции о перевыборах 1922 года, что «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в порядке статей 39, 40, 41 земельного кодекса РСФСР, избирательных прав не лишаются». В 1924 году подобный пункт вводится уже в избирательную инструкцию ВЦИК, а также в инструкции других ЦИК. 16 января следующего года такой же пункт, в общей формулировке, включается в инструкцию о выборах, изданную ЦИК СССР (примечание 1 к п. 20). Наконец, та же мысль проводилась в проекте измененной конституции РСФСР, опубликованном перед XII с'ездом советов 3 мая 1925 года. В этом проекте читаем: «69. Не избирают и не могут быть избранными, хотя бы они и входили в одну из перечисленных категорий: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли вне порядка, установленного земельным законодательством СССР и земельным кодексом РСФСР...» Иначе сказать: по мысли составителей проекта, лица, извлекающие прибыль от применения наемного труда в п о р я д к е з е м е л ь н о г о з а к о н о д а т е л ь с т в а, не лишались бы избирательных прав уже на точном основании самой конституции. Эта формулировка, по инициативе ЦК ВКП(б), была снята из проекта, и этот пункт был оставлен без изменения в старой редакции. Но дело на этом не кончилось.

В 1925 году партия признала необходимым, в целях скорейшего развития производительных сил деревни, пойти еще дальше в отмене ограничений для найма труда и для аренды в сельском хозяйстве. 18 апреля СНК СССР издал «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», а 24 июля СНК РСФСР выпустил инструкцию к этим правилам. Правила и инструкции подразделяют крестьянские хозяйства на два разряда: 1) «хозяйства как на землях трудового пользования, так и арендованных, ведение хозяйства в которых основано на личном труде домохозяина и членов его семьи, а применение наемного труда носит лишь подсобный характер»; 2) «хозяйства промышленного типа». Временные правила распространяются только на хозяйства первого разряда; для хозяйств же промышленного типа, категорию которых определяют местные органы власти, сохраняют силу постановления об условиях труда в совхозах. Из рассмотрения правил легко убедиться, что ими д о п у с к а е т с я ш и р о к о е п р и м е н е н и е в к р е с т ь я н с к и х х о з я й с т в а х н а е м н о г о т р у д а р а б о ч и х к а к в р е м е н н ы х, т а к с е з о н н ы х и г о д о в ы х, п р и ч е м ч и с л о р а б о ч и х т о ч н о н е о п р е д е л я е т с я, а с т а в и т с я л и ш ь в з а в и с и м о с т ь о т л и ч н о г о у ч а с т и я в р а б о т а х д о м о х о з я и н а и е г о с е м ь и. Кроме того, в правилах условия найма для нанимателя значительно облегчаются по сравнению с кодексом труда. Одновременно, в порядке циркуляра НКЗ РСФСР (от 21 мая) и НКЗ-ов других республик, была допущена беспрепятственная сдача земли в аренду крестьянами во всех случаях, кроме полного прекращения самостоятельного хозяйства и прекращения личного участия семьи в работах. Срок аренды был удлинен до 12 лет. Размеры арендуемой площади могут быть рассчитаны не только на семью с'емщика, но и на наемную силу со стороны, лишь бы при этом соблюдались «временные правила об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Этим возможность широкого применения наемного труда в крестьянских хозяйствах была еще более усилена.

Вслед за этими постановлениями в новую избирательную инструкцию ВЦИК (от 13 октября 1925 года) вносится прямая ссылка на только что упомянутые правила. В п. 18 этой инструкции говорится, что не лишаются избирательных прав «лица, занимающиеся сельским хозяйством и пользующиеся наемным трудом в том случае, если применение наемного труда происходит в соответствии с правилами об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах». Такие же пункты появляются осенью 1925 года в избирательных инструкциях ЦИК УССР, БССР и других республик.

Мы видим, таким образом, что почти в с е к р е с т ь я н с т в о п о л у ч и л о з а к о н н о е п р а в о п р и м е н е н и я н а е м н о г о т р у д а в с в о и х х о з я й с т в а х б е з в с я к о г о у щ е р б а д л я с в о и х и з б и р а т е л ь н ы х п р а в. Исключение составляет лишь совершенно ничтожное у нас число владельцев крупных хозяйств,

приравниваемых к совхозам. При этом есть несомненная хронологическая и, очевидно, иная связь между появлением ряда декретов, экономического характера и изменением в порядке избирательных инструкций политических прав крестьянина.

Такая же связь существует и по другой линии—между выходом ряда декретов, касающихся льгот по промысловому обложению для кустарей и ремесленников, и изменениями в тех же инструкциях, касающихся избирательных прав кустарей и ремесленников.

В сентябре 1924 года вышел декрет ЦИК и СНК СССР о некоторых льготах по промысловому налогу ремесленным и промышленным предприятиям, имеющим учеников, при чем речь шла о предприятиях без механического двигателя и специального оборудования с числом учеников не более 2, приравниваемых к 1 взрослому рабочему. Второй декрет ЦИК СССР (апрель 1925 года) освобождает от налога деревенских кустарей и ремесленников, не применяющих наемного труда, а кустарям-ремесленникам, нанимающим не более одного рабочего, дает льготу по обложению, и то и другое уже независимо от наличия механического двигателя и специального оборудования. Третий декрет ЦИК СССР (май 1925 года) освобождает от местных налогов за помещение, за транспорт и от розового сбора за торговлю собственными изделиями кустарей и ремесленников, нанимающих не более 1 рабочего или имеющих не более 2 учеников.

Параллельно с выходом этих декретов появляется сначала раз'яснение НКЮ (март 1925 года) о том, что кустари и ремесленники, имеющие не более 2 учеников, приравниваются к категориям лиц, не эксплоатирующих чужого труда. Затем в циркуляре президиума ЦИК СССР (апрель 1925 года) раз'ясняется, что наличие у кустарей таких «подсобных (?) предприятий»[1], как мельница, просорушка, маслобойка и т. п., не может само по себе служить основанием для лишения их избирательных прав. Наконец, в избирательной инструкции ВЦИК от 13 октября 1925 года мы читаем (статья 18, п. «б»): «Не лишаются избирательных прав... владельцы и арендаторы мельниц, просорушек, маслобоек, кузниц и т. п. предприятий и вообще все кустари и ремесленники, имеющие не более 1 постоянного взрослого рабочего или 2 учеников, если они лично участвуют в работах». Аналогичные статьи появляются осенью того же года и в избирательных инструкциях ЦИК других советских республик.

Таким образом, *преобладающее большинство мелко-промышленной буржуазии точно так же получило законное право применения в своих предприятиях наемного труда без всякого ущерба для своих избирательных прав*. Исключение составляют лишь более крупные предприниматели, нанимающие многих *постоянных* рабочих.

[1]) Характерен это термин «подсобные предприятия»,—характерен для стремления затушевать определенно-эксплоататорские черты того слоя, на который вновь распространяются избирательные права. Крестьянам разрешается применять «подсобный» наемный труд, кустарям—иметь «подсобные» предприятия. Речь идет, дескать, о трудовых элементах... Впоследствии товарищи пытались пояснять, что тут имеются в виду подсобные к сельскому хозяйству предприятия!

В результате такого курса на расширение круга избирателей в избирательных инструкциях ЦИК-ов оказался ряд отклонений от конституций Советских республик, существенно изменяющих наше избирательное право в отношении наиболее многочисленных у нас слоев населения. Конституции определенно указывают, что лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, не могут пользоваться избирательными правами. Эта статья конституций определенно *лишает* избирательных прав те слои самостоятельных мелких производителей (крестьян и кустарей-ремесленников), которые, работая сами, в то же время эксплоатируют наемную рабочую силу. В инструкциях же не менее определенно указывается как раз обратное: *не лишаются* избирательных прав крестьяне, пользующиеся наемным трудом при соблюдении временных правил о найме подсобной рабочей силы в крестьянских хозяйствах, и кустари, ремесленники, мелкие промышленники, имеющие не более 1 постоянного взрослого рабочего или 2 учеников при личном участии в работах. Эти пункты инструкций, наоборот, предоставляют избирательные права мелким предпринимателям, лично работающим, хотя бы они и эксплоатировали наемную рабочую силу. При этом число наемных рабочих, в сущности, не ограничивается никакими определенными пределами. Для крестьян требуется лишь, чтобы применение наемного труда носило «подсобный характер». Несомненно, такому неопределенному требованию будет удовлетворять даже хозяйство, нанимающее нескольких или многих постоянных батраков. Под это требование подойдет также хозяйство, нанимающее каждогодно хотя бы десятки сроковых рабочих («подсобный» сезонный труд). Для кустарей, ремесленников и мелких промышленников ограничение формулировано так, что оставляется возможность, без ущерба для избирательных прав, нанимать многих рабочих, лишь бы они не были постоянными. Единственное сколько-нибудь реальное ограничение сводится, таким образом, к условию личного участия в работах.

Иначе говоря, в порядке избирательных инструкций, в прямое нарушение конституций, *оказалось измененным в корне одно из основных положений советской государственности, касающееся политических прав населения*. По конституции политические права давались двумя условиями: 1) участием в производительном и общественно-полезном труде; 2) неучастием в эксплоатации чужой рабочей силы. Согласно инструкций политические права даются лишь одним условием: *участием в производительном и общественно-полезном труде*.

Что означает фактически это принципиальное изменение? В современном крестьянском хозяйстве лица, нанимающие рабочих и лично не участвующие в работах, представляют редкое исключение. В кустарно-ремесленном и мелко-промышленном производстве такие лица встречаются также редко. Так что фактически применение инструкций должно означать расширение круга избирателей вплоть до охвата почти целиком всего слоя мелких производителей. Из круга избирателей исключается лишь совершенно незначительный у нас слой более крупной буржуазии, продвинувшей накопление настолько далеко, что хозяин может устраниться от личного участия в работах.

Кроме расширения круга избирателей за счет мелких производителей, происходит такое же расширение за счет некоторых других элементов населения. Избирательные права предоставляются торговцам 1 разряда (торгующим вразнос), хотя конституции прямо лишают прав всех частных торговцев (статья 69, п. «г» в новой редакции конституции РСФСР); части духовенства, для которой религиозные отправления не являются профессией[1]; лицам, получающим проценты по вкладам в сберегательные кассы и по облигациям наших займов; лицам, пользующимся наемным трудом для «домашнего обслуживания» (УССР); лицам так называемых «свободных профессий» (УССР); бывшим эксплоататорским элементам на основании простого удостоверения администрации советского учреждения, что в данное время это лицо живет на средства, добываемые личным трудом и т. д.

Несомненно, в основе описанных расширительных тенденций лежит некритическое отношение некоторых товарищей к оказываемому на них мелко-буржуазной средой давлению. Масса мелких производителей, которую революция уравняла под одну гребенку, теперь снова подвергается классовому расслоению, часть ее все более переходит к применению наемного труда в своем хозяйстве и проявляет вполне понятное беспокойство за свои избирательные права. Под ее давлением низовые советские органы ставят тот или иной вопрос в центрах. Здесь этот вопрос проходит через аппарат, заполненный так называемой советской интеллигенцией и возглавляемый несколькими, загруженными до отказу коммунистами. Эта интеллигенция, в лице «спецов», насквозь пропитанных мелко-буржуазной идеологией, в очень многих случаях является как бы выразителем и систематизатором идущих с низов запросов, она составляет на них проекты раз'яснений в форме циркуляров, инструкций НКЮ, ЦИК, иногда даже в форме проекта изменений конституции. Этот материал, которым руководителю-коммунисту зачастую некогда, как следует, заняться, постепенно накопляется, мелкие практические пункты вырастают в крупные вопросы принципиального значения, находящие своих истолкователей и теоретиков. В конце концов партия оказывается поставленной перед фактом начала крупнейших изменений в основах советской государственности и фактом возникновения теоретического уклона в сторону буржуазной демократии среди некоторых товарищей.

На такие факты партия не может не обратить самого серьезного внимания. Под многими пунктами «расширительных» инструкций и циркуляров партия не может дать своей подписи. ЦК ВКП, как упомянуто выше, отверг попытку включить в конституцию огульное расширение круга избирателей. Это было определенной партийной директивой, которой, однако, советские органы не вняли. Теперь ЦК назначил особую комиссию для того, чтобы обстоятельнее разобрать дело. В ее задачи входит изучение итогов последних перевыборов советов, проведенных на основе «расширительных» инструкций, и приведение избирательных инструкций в соответствие с конституцией и директивами партии.

[1] Расширение круга избирателей за счет духовенства, к сожалению, «проскочило» и в конституцию РСФСР при переработке ее в 1925 году. По нашему мнению, следует возбудить вопрос о восстановлении соответствующего пункта конституции в старой редакции, лишь стилистически улучшенной.

II.

Защита расширительных тенденций, допущенных в избирательных инструкциях, заставила некоторых товарищей развить целый ряд доводов, которые в сумме дают целую систему, обосновывающую теоретически и практически необходимость серьезной реформы советского избирательного права. Попробуем дать изложение этой системы.

Советская конституция 1918 года, лишившая избирательных прав господствовавшие в старом обществе эксплоататорские классы, в своей положительной части далеко не охватывала «всей социальной структуры», всех слоев и категорий нового советского общества. Конституция положила в основу советского избирательного права «классово-трудовой ценз», слишком строгий и вместе с тем слишком общий, неопределенный, оставляющий неясности в отношении многих реально существующих общественных прослоек. По конституции избирательные права имеют лица, «добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом»; избирательных прав не имеют лица, «пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли», лица, «живущие на нетрудовой доход» (статьи 64 и 65). Между тем в нашей стране при ее экономической отсталости, при огромном преобладании в ней мелкого производства, есть многочисленные слои населения, живущие производительным трудом и вместе с тем пользующиеся в той или иной степени наемной рабочей силой, занимающиеся в той или иной мере торговлей, при чем в массе случаев крайне затруднительно определить цель применения этого наемного труда и характер такого занятия, как торговля. Примером может служить крестьянин, нанимающий рабочую силу на короткий срок в страдную пору в виду необходимости срочной уборки урожая; крестьянин, берущий на время батрака по случаю отрыва от хозяйства вследствие выбора на общественную должность или ухода в Красную армию; кустарь, пользующийся трудом подростков, которых он обучает ремеслу; крестьянин, кустарь, ремесленник, продающие свои продукты и т. д. В первые годы революции, когда мы держали прямой курс на социализм и когда шла гражданская война, все эти затруднения с применением конституции в части избирательных прав не имели практического значения. По крайней мере вплоть до 1921 года не встретилось даже надобности в какой-либо избирательной инструкции со стороны центральной советской власти. Об'ясняется это тем, что в силу декретов о национализации земли, промышленности, о государственной монополии на торговлю, о комитетах бедноты и других, произошло «поравнение» в области мелкого производства, применение наемного труда в частном земледелии и ремесленно-кустарном производстве почти вовсе прекратилось, частная торговля преследовалась, как преступление. Эксплоататорские элементы разного рода ставились вне закона уже в силу гражданской войны и т. д.

Но с переходом на мирные рельсы, когда советская власть упрочилась и ввела новую экономическую политику, дело приняло другой оборот. Мелко-буржуазные прослойки полуэксплоататорского, полутрудового характера стали увеличиваться. Частная торговая и производственная деятельность с целью извлечения прибыли была признана законом. Наемный труд был разрешен

в частно-промышленном производстве—без ограничений, в частном земледелии—частично. Крестьянин, кустарь, ремесленник, торгующие произведениями своего труда, перестали считаться «спекулянтами». Нельзя также ставить на одну доску с эксплоататорами владельцев мелких сельских заведений промышленного типа (мельницы, просорушки и т. п.), которые «эксплоатируют» разве лишь воду да ветер. Кустари и ремесленники получили целый ряд экономических льгот. Вместе с тем встал вопрос о лицах, занятых в «процессе неорганизованного распределения» и играющих, в сущности, ту же роль, как торгующий крестьянин или ремесленник (мелкие торговцы). Советская власть взяла широкий курс на развитие производительных сил Союза, она привлекла к сотрудничеству даже «нэпманов», т.-е. самую доподлинную буржуазию, и вместе с тем она должна была вообще перейти на более «широкую государственную точку зрения», создать известные правовые условия для всех граждан, проявить известную заботу об охране законных прав всего населения. Советская власть повела курс на «оживление советов», стремясь привлечь к участию в политической жизни возможно более широкие массы. А все это ставило вопрос о распространении также избирательных прав на новые и новые слои населения. С течением времени возникли и такие вопросы, как о восстановлении в правах некоторых «лишенцев», начавших заниматься полезным трудом и доказавших на деле свою преданность советской власти, о членах семей «лишенцев» (до какого же «колена» карать их лишением прав!), о некоторых разрядах служителей религии и т. д.

Все эти обстоятельства и соображения неизбежно приводят к выводу о необходимости изменить, смягчить и уточнить «классово-трудовой ценз», установленный первой Советской конституцией. В дополнение и развитие этой конституции надо разработать такие избирательные инструкции, которые учитывали бы все разнообразие общественно-экономических условий мелко-крестьянской страны и создали бы целый ряд новых цензовых категорий, включающих в круг правомочных граждан самые широкие слои населения, вплоть до охвата «всей социальной структуры» теперешнего советского общества. В основе этих цензовых категорий должны лежать наши декреты из экономической области, предоставляющие те или иные права известным слоям населения. Раз советская власть дала такие-то экономические права таким-то категориям граждан, то она должна дать им и политические права. Раз мы изменили пути продвижения к социализму в области экономики и пошли на экономические уступки, то должны изменить пути и в политике, пойти и на политические уступки. Нельзя же, в самом деле, стеснять политическими ограничениями развитие производительных сил, которое мы же признаем крайне необходимым. Нельзя «обманывать надежд», созданных расширением экономических прав, рискуя тем вызвать недовольство широких масс. Мы должны ввести новый курс в общей политике власти, который смягчил бы политический режим, расширил бы круги населения, могущие пользоваться избирательными правами. Кто сказал «а», тот должен сказать «б». Наше законодательство не может быть механической смесью отдельных, не увязанных друг с другом декретов. Оно должно представлять собою стройную, согласованную систему законоположений. Лишение избирательных прав буржуазии в этой системе является,

в сущности, таким же пережитком эпохи военного коммунизма, как эсэровское, ныне отмененное «запрещение» наемного труда. В сущности, у нас нет теперь никаких оснований отказывать в распространении избирательных прав, в конечном счете, на всех граждан советских республик, соблюдающих законы страны, чтобы таким образом осуществить в нашем социальном строе наибольшую свободу, равенство, справедливость. И теоретически, если вспомнить Ленина, изменение советской конституции в этом направлении вполне допустимо. Само собой разумеется, что власть и партия попрежнему принимают «все меры, обеспечивающие сохранение классового характера советской государственности». В этом смысле вполне достаточно того пункта конституции, который говорит о лишении избирательных прав отдельных лиц и групп, пользующихся этими правами в ущерб интересам социалистической революции (статья 14 по новой редакции конституции РСФСР).

Таково обоснование расширительных тенденций в вопросе об избирательных правах, со слов самих сторонников этих тенденций. Как видим, речь идет о вопросах первостепенной важности. При этом приводится ряд несомненных фактов, делается ссылка на ряд известных решений партии и власти, а также на мнение Ленина. Но этим фактам, решениям, мнениям, дается, на наш взгляд, совершенно неправильное истолкование и делаются из них выводы, совершенно не приемлемые. Это заставляет нас с особым вниманием отнестись к изложенным взглядам и подробно разобрать каждый из приводимых доводов.

III.

Возьмем сначала наиболее общий вопрос, к которому в конце концов теоретически сводится все дело: наше отношение к демократии вообще, к чистым или формальным принципам демократии, главным из которых является всеобщее избирательное право. Признаем мы или нет вообще всеобщее избирательное право?

Два крупнейших теоретика партии считали, что *абсолютного* ответа здесь быть не может. Первый из них—Г. В. Плеханов—еще в 1903 году, когда впервые разрабатывалась партийная программа, когда буржуазная демократия была для нас *еще желанным благом*, имел теоретическую смелость заявить, к немалому удивлению многих товарищей, что *всеобщее избирательное право, с революционно-марксистской точки зрения, вовсе не является абсолютным принципом*. Вполне мыслимо теоретически такое положение, когда революционная рабочая партия откажется от этого принципа. Единственно неизменный руководящий принцип для нас—*благо революции*, понимаемое с точки зрения интересов пролетариата [1]). Таким образом, Плеханов, ставший впоследствии противником большевистской революции, поставившей буржуазию вне закона, считал теоретически вполне допустимым лишение избирательных прав определенного слоя или класса *даже в эпоху буржуазных революций*. Иначе думать, конечно, и не мог марксист-революционер. Другой теоретик партии—большевик Ленин—наоборот, в разгар гражданской войны между буржуазией и пролетариатом, когда буржуазная демократия стала для нас

[1]) См. его речь на II с'езде партии.

уже превзойденной ступенью, считал нужным подчеркнуть, что даже в эпоху социалистических революций может и не встретиться абсолютной необходимости в лишении избирательных прав тех или иных слоев или классов. Вот что говорил на этот счет Владимир Ильич в докладе о работах комиссии по пересмотру партийной программы на VIII с'езде в 1919 году:

«Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии мы отнюдь не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав. Это теоретически вполне мыслимо, и нашу конституцию мы не выдвигаем, как образец для других стран. Мы говорим только: кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот не социалист» (том XVI, стр. 129).

Итак, вопрос совершенно ясен: всеобщее избирательное право при диктатуре пролетариата теоретически допустимо. Товарищи, защищающие расширение круга избирателей вплоть до охвата всех слоев населения, как-будто совершенно правы. Союз Советских Социалистических Республик с избирательными правами для буржуазии теоретически вовсе не является той нелепостью, какой может показаться с первого взгляда.

Но дело далеко не исчерпывается столь общей теоретической постановкой. Ведь речь идет у нас не только о теории, но и о самой конкретной практике. Возникает дальнейший вопрос: какое значение, какие цели будет иметь допущение к избирательным правам буржуазии при диктатуре пролетариата? При каких условиях оно возможно? А вот тут у нас с защитниками «расширительных тенденций» будет серьезный спор. Они, повидимому, склонны считать факт власти пролетариата, существующей столько-то лет в одной стране, условием вполне достаточным для отмены неравенства, ограничений в правах буржуазного меньшинства населения. Им кажется, что это меньшинство следует привлечь к участию в политической жизни, к решению в советах вопросов социалистического строительства, чтобы сделать таким образом развернутую демократию одним из способов дальнейшего перехода к социализму. Такой взгляд исходит, в сущности, из обычного социал-демократического представления о демократии, как о пути к социализму: наиболее развернутая демократия дает возможность введения социализма путем простого решения народных депутатов. Примерно, таким же представляется нашим «коммунист-демократам» значение всеобщего избирательного права в Советском государстве, с тою только разницей, что социал-демократ отвергает необходимость революционного свержения власти буржуазии, а «коммунист-демократ» признает ее, как неизбежный первый шаг для перехода к социализму.

Тов. Ленин был бесконечно далек от такого взгляда на значение всеобщего избирательного права при советской власти. Если он и допускал теоретически распространение избирательных прав в Советском государстве на буржуазные слои, то ни в коем случае не из соображений дальнейшего перехода таким способом к социализму. Он ставил этот вопрос исключительно в плоскость политической целесообразности. Он подчеркивал для марксиста безусловную необходимость исходить в решении такого вопроса из трезвого учета соотношения классовых сил внутри Советского Союза и в международном масштабе. Мы позволим себе привести здесь длинную выписку из его статьи «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», написанной 30 октября 1919 года, где Владимир Ильич как раз ставит вопрос об уничтожении неравенства в связи с переходом к социализму. Он исходит именно из анализа изменившегося после революции взаимоотношения классов:

«Классы остались, но каждый видоизменился в эпоху диктатуры пролетариата; изменилось и их взаимоотношение. Классовая борьба не исчезает при диктатуре пролетариата, а лишь принимает иные формы.

...Пролетариат стал, свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, господствующим классом... Класс эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не исчез и не может сразу исчезнуть при диктатуре пролетариата. Эксплоататоры разбиты, но не уничтожены. У них осталась международная база, международный капитал, отделением которого они являются. У них остались частью некоторые средства производства, остались деньги, остались громадные общественные связи... Наконец, крестьянство, как и всякая мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение: с одной стороны, это—довольно значительная (а в отсталой России громадная) масса трудящихся, соединяемая общим интересом трудящихся освободиться от помещика и капиталиста; с другой стороны, это—обособленные мелкие хозяева, собственники и торговцы. Такое экономическое положение неизбежно вызывает колебание их между пролетариатом и буржуазией... По отношению к этому классу—или к этим общественным элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых—вот что должен делать пролетариат.

Если мы сопоставим вместе все основные силы или классы и их видоизмененное диктатурой пролетариата взаимоотношение, мы видим, какой безграничной теоретической нелепостью, каким тупоумием является ходячее мелкобуржуазное представление о переходе к социализму «через демократию» вообще, которое мы видим у представителей II Интернационала. Унаследованный от буржуазии предрассудок насчет безусловного, внеклассового содержания «демократии»—вот основа этой ошибки. На самом же деле и демократия переходит в совершенно новую фазу при диктатуре пролетариата, и классовая борьба поднимается на более высокую ступень, подчиняя себе все и всякие формы.

Общие фразы о свободе, равенстве, демократии на деле равносильны слепому повторению понятий, являющихся слепком с отношений товарного производства. Посредством этих общих фраз решать конкретные задачи диктатуры пролетариата значит переходить по всей линии на теоретическую, принципиальную позицию буржуазии. С точки зрения пролетариата вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия

на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.» (том XVI, стр. 354—355. Подчеркнуто везде мною. *В. К.*).

Эта, ленинская, постановка вопроса, как небо от земли, далека от кисло-сладких рассуждений наших «расширителей» о том, что установившаяся власть пролетариата, опирающаяся на поддержку трудящегося большинства населения может отменить ограничения прав буржуазного меньшинства в целях его окончательного умиротворения и вовлечения в социалистическое строительство. Во-первых, пролетариат победил пока только в одной стране; во всех остальных странах господствует международный капитал. Во-вторых, в этой одной стране буржуазия вовсе еще не уничтожена, а лишь разбита. А главное (как говорит Ленин в другом месте)—мы не создали еще «таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия» (том XV, 198). В-третьих, в этой стране—огромная масса мелких производителей, которая по экономическому своему положению занимает колеблющуюся между пролетариатом и буржуазией позицию, и по отношению к которой задача пролетариата состоит в руководстве. В-четвертых, классовая борьба после победы пролетариата вовсе не прекращается, а, наоборот, поднимается на более высокую ступень, ибо классы еще не исчезают и не могут исчезнуть сразу. И как вывод из всего этого,—резко отрицательное отношение к демократии, как способу перехода к социализму, признание демократии при диктатуре пролетариата лишь как совершенно особой фазы, подчиненной классовой борьбе в ее новых формах, именно: демократии на почве борьбы за отмену частной собственности, за уничтожение классов, за социализм.

Для полной ясности приведем еще одну короткую цитату из Ленина—то место нашей партийной программы, где говорится о временном характере таких мер, как лишение политических прав и вообще какие бы то ни было ограничения свободы, и где об отмене этих мер сказано: «По мере того как будет исчезать об'ективная возможность эксплоатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к их полной отмене».

Итак, необходимость отмены ограничений в правах должна быть доказана не одной только ссылкой на теорию—и уж никак не рассуждениями о демократии, как способе перехода к социализму,—а конкретными фактами, обнаруживающими, что в настоящее время уже исчезла хотя бы частично об'ективная возможность эксплоатации человека человеком и, таким образом, исчезла хотя бы в некоторой степени необходимость в ограничительных мерах. Но попробуем подойти к нашей современной действительности с этой, единственно правильной, точки зрения. Правда, развивающаяся социалистическая промышленность поглощает все большие массы работников, уходящих таким образом из области частно-хозяйственных отношений, а растущее кооперативное движение переводит все новые и новые хозяйствующие единицы из области частного, неорганизованного распределения и производства в область организованного на коллективных началах хозяйства, связанного с государственным социалистическим хозяйством. Благодаря этому возможность капиталистической эксплоатации, конечно, в известной мере понижается. Трудно было бы привести данные, показывающие, как велико теперь число граждан, вовлеченных в государственно-социалистическое и кооперативно-товарищеское производство и распределение, по сравнению с эпохой первой советской конституции. Но несомненно все-таки, что наши успехи здесь не зашли еще так далеко, чтобы «об'ективная возможность эксплоатации человека человеком» исчезла, если не полностью, то хотя бы в значительной мере. Вместе с тем в огромной у нас области частного земледелия и в области мелкого кустарно-ремесленного производства возможности эксплоатации чужого труда в известной степени увеличились благодаря нэпу и усилению классового расслоения в деревне. Сюда прибавилась эксплоатация на частно-капиталистических промышленных предприятиях (правда, немногочисленных). Таким образом, наша современная действительность не дает никаких оснований к огульному распространению политических прав на новые слои населения. И в международном масштабе соотношение классовых сил сейчас, конечно, отнюдь не таково, чтобы можно было ставить практически вопрос о политических правах для буржуазии.

IV.

Перейдем ко второй коренной ошибке в доводах «расширителей». Она состоит в совершенно неправильном понимании соотношения между экономикой и политикой вообще, в частности—в неправильных выводах из новой экономической политики и нового курса партии в деревне.

Общее марксистское положение о бытии и сознании, о базисе и надстройках толкуется здесь таким образом, что политика, так сказать, механически следует за экономикой, известные изменения в экономическом строении общества автоматически отражаются соответствующими изменениями в его политическом строении. По этому упрощенному, вульгарному представлению, которое ничего общего с революционным марксизмом не имеет, роль людей, организованных в политическую партию и в государственную власть, сводится к чему-то в роде аппарата, с одной стороны—механически регистрирующего давление на него экономики, а с другой стороны—выбрасывающего законодательные акты, меняющие политический строй общества. Борьба классов, отстаивающих в процессе этих изменений свои определенные классовые требования, выпадает целиком из этого представления, вследствие чего в корне искажается действительный процесс развития. В реальной действительности классы борются за господство. Господствующий, т.-е. организованный в государственную власть, класс может прекрасно учитывать требования экономики, он может сознательно итти на известные экономические уступки противному классу. Но он никогда не идет на сколько-нибудь существенные политические, затрагивающие его господство уступки, не будучи вынужден к тому крайней необходимостью. Вот что говорит вся история классовой борьбы. Нужно поистине «почить на лаврах», убаюкать себя сладкими иллюзиями «закончившейся борьбы», «замиренных» классов, нужно слепо уверовать в розовые перспективы дальнейшего безболезненного перехода к социализму, чтобы забыть про это

и колебнуться в сторону столь вульгарного, оменьшевиченного марксизма.

А такой уклон, несомненно, есть. В избирательных инструкциях предоставление избирательных, т.-е. политических, прав новым слоям населения прямо мотивируется тем, что этим самым слоям предоставлены ведь экономические права! Как мы видели, предоставление политических прав наши советские юристы поставили в прямую хронологическую и логическую связь с предоставлением экономических прав. Теоретически этого нельзя обосновать иначе, как перейдя с революционно-классовой марксистской позиции на меньшевистскую точку зрения. Практически, в нашей политике, это означает глубокое непонимание новой экономической политики вообще и, в частности нового курса партии, наметившего ряд новых экономических уступок в развитие основной линии 1921 года.

Новая экономическая политика вызвана необходимостью во что бы то ни стало поднять немедленно производительные силы страны, хотя бы на основе частно-хозяйственного производства, хотя бы методами товарного хозяйства. Экономические уступки преобладающему у нас мелкому производителю (свобода частно-хозяйственной деятельности со всем вытекающим отсюда последующим законодательством) были абсолютно необходимы ради сохранения союза с основной массой мелких производителей. Партия обеспечивала, таким образом, возможность сохранения политической власти за пролетариатом и возможность укрепления экономической базы под этой властью путем развития государственной промышленности на основе хозяйственных связей с мелким производителем. Новая экономическая политика ни в коем случае и ни в какой мере не означала и не означает отказа от борьбы, отказа от диктатуры пролетариата и постепенного перехода к буржуазной демократии. Она есть тактический прием, означающий временное отступление с целью немедленного закрепления на новых позициях и перехода сейчас же в дальнейшее наступление новыми способами.

Нет никакой нужды доказывать теперь правильность такой политики. Но как раз кстати будет напомнить те два возражения с разной стороны, которые вызвала новая экономическая политика в самом начале. Первое исходило от меньшевиков (Мартов). Они находили, что новая экономическая политика это своеобразная «зубатовщина», т.-е. попытка обмануть определенный класс (крестьянство) экономическими уступками. Эта попытка не может удаться: за экономическими уступками неизбежно должны последовать политические уступки. Кое-кто из большевиков был смущен этими доводами, и на партийной конференции в мае 1921 года т. Варейкис также говорил об «этой зубатовщине». Тов. Ленин отвечал на это возражение таким образом:

«В чем состояла суть зубатовщины? В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей. Вот почему тогда ответом было следующее: экономическими уступками вы не заставите пролетариат, класс, боровшийся за освобождение всех угнетенных, отказаться от идеи завоевания политической власти и разрушения системы угнетения. Теперь пролетариат держит в руках власть и руководит ею. Он руководит крестьянством. Что это значит—руководить крестьянством? Это значит, во-первых, вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя. Если бы мы с этой линии коренной и основной сбились, тогда мы перестали бы быть социалистами и попали бы в лагерь тех мелких буржуа, в лагерь эсэров и меньшевиков, которые являются сейчас самыми злейшими врагами пролетариата.

Если мы, как партия пролетариата, руководим крестьянством, то мы должны вести линию на укрепление крупной промышленности и поэтому должны итти на экономические уступки. Пролетариат руководил крестьянством и так руководил им, что во время гражданской войны крестьянство получило больше экономических выгод, чем тот же пролетариат. Если говорить на языке Мартова, то это выходит зубатовщина. Экономические уступки делались для крестьянства. Эти уступки были сделаны той части трудящихся, которая составляет большинство страны. Что, это неправильная политика? Нет, это единственно правильная политика! И как бы здесь ни говорили о мартовских словечках, что вы не обманете класс, я все же вас спрашиваю: чем же мы обманываем? Мы говорим, что есть две дорожки: за Мартовым и Черновым, а через них—к Милюкову, или за коммунистами. Что же касается нас, то мы боремся за уничтожение капитализма и за установление коммунизма; путь наш очень тяжелый, и во время этого пути есть много усталых и неверящих. Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем? Смешно говорить, что мы обманываем класс, и что мы запутались в трех соснах, и даже тут не в трех, а в двух соснах, потому что пролетариат и крестьянство только два класса... Мы говорим, что нужно руководиться интересами пролетариата, т.-е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму. Если крестьянство сейчас больше устало, больше замучилось, или вернее, больше себя считает усталым, то ему мы больше и уступаем для обеспечения от реставрации капитализма и облегчения путей к коммунизму. Это правильная политика, и мы руководствуемся только одним классовым расчетом. Мы открыто, честно, без всякого обмана, крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи-крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере и, конечно, сами будем судить, какая это мера и какие пределы... Вот как стоит вопрос в отношениях между пролетариатом и крестьянством, т.-е. или крестьянство должно итти с нами на соглашение, и мы делаем ему экономические уступки, или—борьба. Вот почему всякие другие доводы представляют из себя ужаснейшую путаницу. На деле всякий другой путь есть путь к Милюкову, к восстановлению помещиков и капиталистов. А мы говорим, что мы на всякие уступки пойдем в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата, который неуклонно, несмотря на все трудности и препятствия, идет к уничтожению классов и к коммунизму» (том XVIII, ч. 1, стр. 270—272. Подчеркнуто везде мною. *В. К.*).

Мы привели почти без сокращений это длинное место из Ленина, ибо оно вносит полную ясность в вопрос. Ленин 1) резко разграничивает вопрос об экономических уступках от вопроса

о политических уступках, отвергая неизбежную обусловленность последних первыми. Ленин 2) отклоняет, как совершенно несостоятельное, соображение об «обмане» экономическими уступками. Ленин 3) предлагает в решении вопроса об уступках, «вести линию на уничтожение классов, а не на мелкого производителя», руководствоваться «только одним классовым расчетом», только интересами пролетариата, которые требуют «обеспечения от реставрации капитализма и обеспечения пути к коммунизму». Наконец, Ленин 4) допускает вообще всякие уступки (следовательно, и политические), но лишь «в пределах того, что поддерживает и укрепляет власть пролетариата». А наши «расширители» по всем этим пунктам занимают как раз противоположную позицию. Они прямо выводят политические уступки из экономических, они сбиваются на мотив об «обмане» экономическими уступками, когда доказывают, что нельзя «обижать» или «раздражать» дальнейшим лишением политических прав те слои населения, которым теперь предоставлены экономические права и даже льготы; они сбиваются на линию интересов мелкого производителя, забывая о классовых интересах пролетариата в социалистической революции. Такое сползание к меньшевизму, такая «отрыжка» давно переваренного грубого непонимания новой экономической политики, относящегося к первым месяцам после ее введения, несомненно, встретит в партии строгое осуждение.

Второй отзыв о новой экономической политике, дающий по существу ту же оценку, только в наиболее законченной форме, последовал тогда же со стороны «сменовеховцев» (Устрялов). Мы не станем на этом останавливаться подробно, так как поднятый им вопрос не раз обсуждался в нашей печати. Суть дела в следующем. Представитель культурной, приспосабливающейся к советскому строю буржуазии заявлял: вы, большевики, считаете ваш нэп тактическим приемом. Но вы ошибаетесь. Это не тактика, а эволюция. Через нэп вы, сохраняя ту же революционно-социалистическую идеологию, или вернее—фразеологию, постепенно превратитесь из партии пролетариата в партию радикальной мелкой буржуазии, а руководимое вами советское государство станет буржуазной демократией. Ленин открыто признал, что в этом мнении есть доля «классовой правды классового врага». Ленин теоретически допускал возможность такой эволюции и видел здесь величайшую опасность, от которой предостерегал партию. Опасность эта возникает 1) благодаря относительной слабости пролетариата в стране с огромным преобладанием крестьянства и относительной слабости передового слоя (партии) внутри этого пролетариата; 2) благодаря сильному давлению мелко-буржуазной среды, мелко-буржуазной стихии на пролетариат, на партию, на молодую социалистическую экономику; 3) благодаря чрезвычайной сложности общественно-экономических отношений и чрезвычайной трудности социалистического строительства в отсталой стране; 4) благодаря задержке пролетарской революции в других странах; и 5) в результате всего этого—благодаря особой трудности руководства вообще, в частности определения степени возможных и необходимых уступок. Едва ли кто будет отрицать, что за годы нэпа эта опасность увеличилась, несмотря на численный рост пролетариата и партии, несмотря на рост социалистических элементов

нашей экономики,—ибо все перечисленные обстоятельства продолжают оказывать свое действие, а некоторые из них—в более сильной степени. Что опасность увеличилась, тому яркое, наглядное свидетельство эта история с расширением круга избирателей, особенно же мотивы и тенденции, связанные с этим расширением. Все эти меньшевики, кадеты, сменовеховцы увидят здесь прямое подтверждение своей критики. «Так,так! Со ступеньки на ступеньку! От экономических уступок—к предоставлению политических прав! От избирательных прав для мелких предпринимателей—к избирательным правам для более крупной буржуазии, которая ведь давно уже «признана» вами «экономически». И скоро вы скатитесь к самой обыкновенной буржуазной демократии, что мы вам и предсказывали».

На самом деле, взглянем поближе на мотивы и фактические тенденции «расширительного курса». Основной мотив: раз мелкий предприниматель в земледелии соблюдает специальное законодательство о труде, он получает избирательные права. Во что выливается это практически? Местная власть, согласно инструкции к «временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах», обязана установить размеры тех хозяйств, для которых правила имеют силу. И вот, например, самарский отдел Всеработземлеса выработал проект обязательного постановления губисполкома, по которому временные правила распространяются на крестьянские хозяйства с валовым доходом не выше 1.000 рублей в год (такие хозяйства, по местным условиям, имеют от 14 до 20 десятин посевной площади, 4 десятины луга, несколько голов рогатого скота и т. д.—см. «Правду» от 8/VI с. г.). Следовательно, все крестьяне, владеющие такими хозяйствами, могут пользоваться избирательными правами. В Башкирии крестьянин, имеющий от 80 до 100 десятин пахотной земли, до 10 голов рогатого скота, содержащий зимою 2 батраков, а в летнее время, нанимающий до 20 сезонных рабочих, применяет указанную рабочую силу в своем хозяйстве согласно «временных правил» и, следовательно, пользуется избирательными правами. (Характерно, что у Башкирского ЦИК возникло сомнение в этом случае, так как норма земли у такого крестьянина превышает значительно обычную местную норму, и вообще население относит его к кулакам; центральный избирком, в ответ на запрос к нему, рассеял эти сомнения). Еще показательнее тот факт, что в Казакской автономной республике, согласно избирательной инструкции, избирательные права имеют вообще все крупные скотоводы[1]), если только они не занимаются скупкой скота и ростовщичеством. Картина совершенно ясная,—картина безудержной эволюции в сторону буржуазной демократии, начинающаяся предоставлением политических прав отдельным слоям, согласно земельному кодексу, и кончающаяся правами для всей прогрессивной аграрной буржуазии. Единственное руководящее начало,—весьма характерное для молодой демократической республики, только что освободившейся от пережитков феодализма,—это—прогрессивность буржуазии. Прав лишаются, в конце концов, только те элементы аграрной буржуазии, которые при-

[1]) Крупные, разумеется, даже по местным условиям.

меняют отсталые, кабально-ростовщические формы эксплоатации и вообще не подчиняются законам республики[1]). От этой идеологии рукой подать до знаменитой теории о кулаке, как о необходимом элементе социалистического строительства, столь резко осужденной партией.

По линии промышленной буржуазии эволюция не зашла еще так далеко, и это вполне понятно, если принять во внимание ее несравненно меньший удельный вес. Но картина и здесь в общем та же как по мотивам, так и по фактам. Сначала отдельные раз'яснения, что кустари-ремесленники, имеющие 2 учеников, приравниваются к лицам, не эксплоатирующим чужого труда, затем предоставление прав кустарям-ремесленникам, эксплоатирующим одного постоянного взрослого рабочего (или, очевидно, неопределенное число «временных» рабочих), одновременно—предоставление прав также владельцам и арендаторам мелких промышленных предприятий с одним постоянным или многими временными рабочими. А мотив? Все тот же: предоставление прав на основе декретов в экономической области. И тут путь для наших юристов открыт. Вот, напр., ближайший неиспользованный еще декрет о налоговых льготах для деревенских кустарных и ремесленных предприятий от 12 июня 1925 г. Он предоставляет льготы для владельцев предприятий, имеющих 2 или 3 рабочих и какое угодно число учеников, при этом хотя бы и с механическим двигателем. Без всякого сомнения, в следующей избирательной инструкции мы имели бы ссылку на этот декрет. В круг избирателей по линии промышленной буржуазии остались бы не включенными лишь владельцы предприятий с большим числом наемных рабочих. Но разве они, если только соблюдают советское законодательство, не составляют необходимых элементов в нашей системе социалистического строительства? Конечно, составляют. Перспективы ясные.

По линии торговой буржуазии повторяется та же история, только в недостаточно еще развитом виде. Крестьянин и кустарь-ремесленник торгуют? Торгуют. А им предоставлены избирательные права? Предоставлены. Почему же не дать прав другим мелко-торговым элементам, работающим по советскому патенту «в процессе неорганизованного распределения»? Хотя бы тем, которые «зарабатывают» торговлей отнюдь не больше крестьянина или кустаря-ремесленника? И права даются торговцам 1 разряда. Примените далее те же руководящие принципы (вышеупомянутые) и вы придете к несомненному выводу о необходимости дать избирательные права всему слою торговцев (независимо от разряда патента), работающих в качестве хотя и частных распределителей, но на основе договора с госпромыш-

[1]) Эту своеобразную теорию «классовой дифференциации» буржуазии на «овец» и «козлищ» легко, конечно, «обосновать» тем или иным декретом. Рекомендуем нашим юристам для этой цели, напр., декрет о выселении помещиков. Он построен именно на этом принципе подразделения аграрной буржуазии на «прогрессивную» и «отсталую»: первая оставляется, вторая выселяется (см. нашу статью в ж. «На аграрном фронте», № 3, 1925 г.). Соответствующий пункт избирательной инструкции можно бы формулировать, примерно, так: не лишаются избирательных прав бывшие помещики, если они не подходят под действие декрета о выселении помещиков, и вообще все крупные сельские хозяева, если они не применяют в своих хозяйствах отсталых кабально-ростовщических форм эксплоатации.

ленностью, с соблюдением обусловленных продажных цен. Ясно ведь, что такой торговец является переходной ступенькой к социалистически организованному распределению и орудием социалистического накопления! Так мы постепенно продвинемся к охвату и почти всей торговой буржуазии, оставив без избирательных прав лишь торговых хищников и мародеров, не подчиняющихся государственному контролю.

Возможно ли было несколько лет тому назад такое толкование новой экономической политики, что раз мы допустили свободу торговли и предпринимательской деятельности, то нужно дать политические права торговцам и предпринимателям? Конечно, нет! Такая постановка вопроса показалась бы прямо дикой. А теперь находятся товарищи, которые так именно и ставят вопрос. Повидимому, они сбиты с толку новым курсом партии на развитие производительных сил деревни. Этот курс представляется им чем-то чуть ли не принципиально отличным от новой экономической политики. В роде того, что последняя была экономической уступкой буржуазии вообще, каковую уступку, дескать, нельзя дополнять политическими уступками. А новый курс означает экономическую уступку трудовой крестьянской массе, и эту уступку можно и должно дополнить соответствующей политической уступкой. Такое представление в корне неправильно в обоих своих частях. Нэп означал экономическую уступку именно трудовой массе крестьянства, и притом именно крестьянину, как мелкому собственнику, мелкому буржуа, который в старой экономической политике видел препятствие для развития своего хозяйства. Нэп дал мелкому собственнику основное необходимое в его экономике условие: свободу оборота, свободу распоряжения излишками своего производства, что создавало побуждение для развития производительных сил крестьянского хозяйства. В тех же интересах дальнейшего под'ема производительных сил деревни был предпринят новый курс, создавший более свободные условия по найму рабочей силы и по аренде земли все для того же мелкого хозяина. Действие кодекса законов о труде было отменено для огромного большинства крестьянских хозяйств, и для них были выработаны особые «временные правила» с облегченными для крестьян, нанимающих труд, условиями. Только для крестьян, ведущих крупное сельское хозяйство, было сохранено действие нормального кодекса. Сделано это было исключительно в интересах экономической целесообразности, чтобы, с одной стороны, мелкий хозяин не встречал препятствия для развития своего хозяйства в чрезмерно обременительных условиях найма рабочей силы и не стремился применять эту силу тайно, в обход закона и в ущерб интересам батрака, а с другой стороны—чтобы сельский хозяин, достаточно мощный, обязан был нанимать рабочую силу на обычных условиях. Примерно те же цели преследовались при разрешении более свободной аренды земли. Никаких других намерений в основе нового курса партии не лежит. Но наши юристы ухитрились понять его так, что партия хочет подразделить мелкую буржуазию на, так сказать, доброкачественную и злокачественную с точки зрения интересов советского государства, из чего эти юристы заключили, что первой части следует предоставить избирательные права и лишь второй—не следует. Некоторый экономический «водораздел» по вопросу

о том, каким именно законам о труде подчинено данное крестьянское хозяйство, нанимающее труд, наши юристы приняли за некоторый политический «водораздел» по вопросу о том, владельцам каких именно хозяйств следует и не следует предоставить избирательные права. Но само собой разумеется, что эти «водоразделы» не совпадают и не могут совпадать по существу дела. Крестьянин, систематически применяющий наемный труд, не перестает быть эксплоататором от того, что он действует по тому, а не по иному закону, и нет ничего удивительного, что у наших юристов целые слои определенно эксплоататорской мелкой буржуазии оказались огульно включенными в круг избирателей.

В связи с курсом на развитие производительных сил деревни и с устранением пережитков эсеровщины в нашем законодательстве, находится еще одна попытка обосновать расширение круга избирателей. Примерно, такая. Почему в свое время широкие крестьянские массы пошли за лозунгами уравнительной дележки, запрещения наемного труда, аренды и проч., за лозунгом: вся власть трудящимся? Потому, в сущности, что массы видели в этих лозунгах наиболее радикальный способ ликвидации помещичьего землевладения. Но после этой ликвидации дело существенно изменилось. Мы могли совершенно безболезненно снять лозунг запрещения наемного труда и аренды. Можно пойти и дальше, в интересах развития производительных сил деревни. Будет ли крестьянство возражать, если мы снимем также лозунг: избирательные права только не эксплоатирующему чужого труда крестьянину? Не будет, ибо не только зажиточное, но и среднее крестьянство применяет, в той или иной мере, наемный труд. И чем больше восстанавливается крестьянское хозяйство, тем большее распространение получает наемный труд в деревне.

Это рассуждение содержит коренную неправильность. Крестьянские массы пошли за нами не только потому, что мы боролись против помещичьего землевладения, но и потому, что мы боролись и боремся против капитала. Первая борьба кончена, вторая далеко еще нет. В этой второй борьбе все маломощное, бедняцко-середняцкое крестьянство, т.-е. огромное большинство крестьянства было, есть и будет безусловно заинтересовано. На этой именно заинтересованности и построена крестьянская политика партии. Изменять ее в частном вопросе об избирательных правах значит, брать под сомнение всю эту политику. Ни для того, ни для другого у нас нет ни малейшего основания. Лишая избирательных прав эксплоататорский слой деревни, советская власть попрежнему остается целиком на платформе огромного большинства крестьянства и может быть вполне уверена в его поддержке как в этом, так и во всех других вопросах борьбы с буржуазией.

Правильное разрешение вопроса об экономических и политических уступках пролетарской власти требует учета следующих обстоятельств: 1) известные экономические уступки безусловно необходимы ради сохранения и упрочения союза с не эксплоатирующим чужого труда крестьянством; 2) известные экономические уступки безусловно необходимы ради экономического укрепления власти пролетариата; 3) политические уступки сколько-нибудь серьезного характера сейчас отнюдь не необходимы; 4) политические уступки укрепляют не пролетариат, а его

врагов, а от пролетариата требуют усиленного внимания и более упорной борьбы с врагом, который, конечно, постарается использовать уступку в целях своей борьбы с пролетариатом. Неучетом, недооценкой этих элементарных, в сущности, моментов слишком грешат наши «расширители».

Вопрос этот имеет и свою теоретическую сторону, поскольку «расширители» ссылаются на недопустимость «стеснения развития производительных сил». Одно из основных марксистских положений гласит, что развитие человеческого общества происходит на основе стихийного развития производительных сил, и что поэтому всякий политический строй, препятствующий развитию производительных сил, ломается ими, как лед вешними водами. Некоторые товарищи склонны, повидимому, толковать это положение, как некий абсолют, «его же не прейдеши» ни при каких условиях. Между тем это вовсе не так. При диктатуре пролетариата это положение теряет свой безусловный характер, какой имело ранее. Небольшой анализ покажет нам это с несомненностью. Пролетариат, организованный в государственную власть, получает в свое распоряжение не только политическую, но и экономическую силу в виде обобществленных главнейших средств производства и использует ту и другую силу для планового (а не стихийного) развития производительных сил. Это первое отличие. Второе: поскольку в экономике остаются, в переходный период, элементы стихийности (неорганизованное частнособственническое производство), государственная власть пролетариата может (и даже должна), в известном смысле и в известной мере, препятствовать их стихийному развитию, не рискуя вызвать тем угрозу своему существованию, раз одновременно она имеет фактическую возможность двигать развитие основного ядра обобществленных производительных сил в плановом, социалистическом порядке. Это принципиальное соображение и лежит в основе нашей экономической политики. Мы «сдерживаем» или «отпускаем», в меру экономической целесообразности, «свободное» развитие частно-хозяйственной деятельности (напр., нажимая или ослабляя налоговый пресс). Конечно, лишение избирательных прав в этом отношении может также иметь некоторое, впрочем весьма скромное, значение. Но понимать переход от административного давления, «раскулачивания» и т. п. к борьбе с частным капиталом на экономической почве, как полный переход к принципам «свободной игры сил», можно, только отказавшись от планового регулирования народного хозяйства, а значит, по существу дела, и от диктатуры пролетариата. Опасаться «стеснения развития производительных сил» от лишения политических прав определенных эксплоататоров можно, только безмерно преувеличивая «кулацкую опасность» и вообще роль необобществленной части средств производства, только безвольно пасуя перед нажимом мелко-буржуазной стихии.

Или нужно тешить себя иллюзиями, что опасность со стороны буржуазии вообще миновала, чтобы столь беспечно относиться к расширению круга избирателей за счет буржуазных элементов. Похоже на то, что многим товарищам длительный период мирного строительства застит глаза на действительное положение Союза, внутреннее и международное. Они склонны забывать, что этот период лишь передышка, завоеванная нами в борьбе с непобежденным еще в международном масштабе классовым врагом.

Они не думают о том, как будут вести себя все эти, вновь допущенные к участию во власти, классово-враждебные пролетариату слои в случае новых осложнений. Они говорят: «Ведь места требуют! Мы впитываем опыт мест, к нам приходят, жалуются, доказывают, мы вносим соответствующие изменения в инструкции». А где же критическое отношение к этим требованиям? Где оценка их с точки зрения пролетариата в социалистической революции? Где понимание, что эти требования идут от местных органов, непосредственно отражающих давление мелко-буржуазной стихии? Этим товарищам надо встряхнуться, партия должна указать им, что всякая политическая реформа должна опираться не иначе как на трезвый учет классовых сил с точки зрения обеспечения от реставрации капитализма и продвижения к социализму. Иначе мы попадаем совсем не на ту дорогу, на которую нам надо.

(Окончание в следующем номере).

А. Столяров.

Современные задачи профсоюзов и „хозяйственный уклон" в их работе.

Профсоюзы, как организации пролетариата особого рода, при всех условиях сохраняют в методах своей работы и в своих задачах некоторое своеобразие, отличающее их от других рабочих организаций. Но это нечто своеобразное в различных условиях и в различные периоды преломляется и применяется по-разному. Важно для каждого периода найти ту особую форму, в которой профсоюзы могли бы свои специфические методы осуществить, следуя за развитием «вечно-зеленого дерева жизни».

Диктатура пролетариата есть «особый период», но и эпоха нэпа—тоже «особый период», в котором имеются свои особые периоды. Профсоюзы не могут в своей работе не отражать их постоянную смену, потому что формы союзной работы связаны с общими условиями жизни рабочего класса. И при всем этом союзы должны сохранять своеобразие своих методов, не расплываться, не терять своего лица в этой смене форм и задач своей работы, иначе они перестали бы быть профсоюзами.

Если взять наши союзы в настоящее время, то окажется, что ряд значительных недочетов и уклонов в их работе сводится к недостаточному учету этого «своеобразия в своеобразии». При этом имелись и кое-какие попытки отдельные практические ошибки превратить в систему, в программу.

В частности, особое значение имеет в работе союзов так называемый «хозяйственный уклон». Как раз теперь на раз'яснение этого уклона партия должна обратить самое серьезное внимание. В связи с выдвинувшимися на первый план задачами индустриализации и установления режима экономии должно усилиться участие профсоюзов в организации хозяйства, в производственной жизни наших государственных предприятий.

Поэтому-то, именно теперь особенно важно сохранить четкую правильную линию по всей экономработе профессиональных организаций, чтобы совершенно необходимое усиление экономработы профсоюзов, их участия в организации хозяйства, не превратилось бы в усиление производственного, хозяйственного уклона в их работе.

1. Задачи союзов и недочеты в их современной работе.

В системе классовых организаций пролетариата профессиональные союзы представляют из себя, по выражению резолюции XI с'езда, «передаточный механизм от компартии к массам».

«Как самая лучшая фабрика с превосходным двигателем и первоклассными машинами окажется бездействующей, если попорчен передаточный механизм от двигателя к машинам, так

неизбежна катастрофа нашего социалистического строительства, если неправильно построен или неправильно работает передаточный механизм от компартии к массам—профсоюзы»[1]).

Вопрос о профсоюзах,—говорил Ленин во время знаменитой «профсоюзной» дискуссии,—это вопрос «о методах подхода к массе, овладения массой, связи с массой. В этом вся суть!»[2]).

Массовая работа, связь с массой—это и является для профсоюзов тем стержнем, вокруг которого концентрируется вся их деятельность. Именно с этой точки зрения и приходится прежде всего расценивать достижения и недостатки в работе союзов, при чем в этом отношении определяющее значение имеет работа низовых союзных организаций—фабзавкомов.

Достижения в работе наших союзов за последние годы очень и очень велики. Охват работы все увеличивался, нарождались новые формы, развертывались жизнеспособные старые формы, выросли клубы, красные уголки, производственные совещания, которых не было еще до 1924 года и которые в настоящее время охватывают около 10% рабочих фабрик и заводов. Работа значительно углубилась в цех, в мастерскую. Возник и окреп институт цеховых профуполномоченных, оформлена работа делегатского корпуса. В последнее время все большее распространение получают цеховые профбюро; делаются опыты с работой цеховых РКК и т. д.

Профсоюзы воспитали и выдвинули из числа рабочих тысячи работников на административную, хозяйственную и пр. работу. В частности многих свежих работников на административно-хозяйственные посты дали производственные совещания. По одному Ленинграду за 15 месяцев (с января 1925 г. по март 1926 г. включительно) производственные совещания дали 2.146 выдвиженцев, из которых 411 женщин.

Профсоюзы стояли у колыбели различных организаций советской и рабочей общественности, пока те не окрепли настолько, чтобы прочно стоять на своих собственных ногах. Сюда относятся различные добровольные общества (Шефское, «Долой неграмотность», «Друг детей» и др.), рабкоровские организации и стенгазеты, кассы взаимопомощи, спортивные организации и пр.

Вся жизнь рабочего на предприятии настолько сейчас охвачена влиянием профсоюза, что вполне естественно тяготение рабочих в союз. Естественно поэтому, что при добровольном членстве, к которому наши союзы перешли в 1922 году, число членов их растет значительно и сейчас уже достигает по СССР, примерно, 8 миллионов.

И все же XIV партс'езд должен был констатировать «относительное, хотя и весьма незначительное, падение процента организованных в профсоюзы членов». Это являлось выражением того, что наши профсоюзы, несмотря на свой значительнейший количественный и качественный рост, иногда не поспевают за жизнью, кой-где отстают, на ряду с достижениями в их работе встречаются недостатки, болезни и уклоны.

То же, например, перенесение работы в цех протекает довольно медлительно, с большими задержками. Особенно страдает

[1]) Постановление XI с'езда РКП(б) о роли и задачах профсоюзов в условиях нэпа, § 1.

[2]) Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. 1, стр. 10.

культработа. Красные уголки в цехах частенько застывают в форме «иконостасов», и во всяком случае их общее число значительно больше числа тех из них, в коих та или иная работа ведется. Клубы—эта важнейшая отрасль культурно-просветительной работы фабзавкомов—до сих пор крайне страдают одной распространенной болезнью: плохо умеют заинтересовать и вовлечь взрослого рабочего.

Делегатские собрания работают весьма отчетливо и регулярно. Достижения в этой области несомненны. Но работа делегатов в мастерской во многих местах поставлена очень слабо, так что вся работа делегатского корпуса сплошь да рядом сводится к участию в делегатских собраниях. Комиссии по охране труда тоже еще далеко недостаточно внимания уделяют работе в мастерской и различным формам коллективной работы. Часто дело сводится к работе одного освобожденного члена комиссии по охране труда, который вертится вокруг вопросов о спецодежде, о дополнительном питании, о домах отдыха и т. п. Не остается времени, не уделяется сил на то, чтобы организовать массу, ее самодеятельность, инициативу вокруг санитарно-технического состояния предприятия, мастерской и пр. Слабо поставлена санитарная и санитарно-техническая пропаганда. Вообще, вслед за культработой, которая нередко в работе фабзавкома оказывается чуть не на последнем плане, отодвигается куда-то на второй план и работа по охране труда.

Наконец, что касается экономработы, то в этой области почти всюду констатируется ослабление ее массовых форм. Последний (июньский) пленум ВЦСПС в своей резолюции о работе производственных совещаний отмечает, что «работа последних в 1925 г. ослабляется». Характерно при этом, что одной из болезней производственных совещаний в последнее время часто оказывается их крайне редкий созыв, с фактической их подменой производственными комиссиями, в том числе и цеховыми производственными комиссиями. Это означает отлив интереса к их работе со стороны широких масс, принижение массового характера их работы.

В общем, все это означает наличие значительных недочетов в массовой работе союзов, в работе по воспитанию, по организации масс, по «овладению» массами, т.-е. той работы, которая и делает профсоюзы «приводным ремнем».

2. «Хозяйственный уклон» в работе союзных органов.

Профсоюзные центры, особенно после последнего всесоюзного с'езда профсоюзов, много раз указывали на необходимость придания всем видам профработы все более и более массового характера. Ослабление массовой работы союзов было бы равносильно созданию такого положения, когда отдельные профорганы станут перед угрожающим обюрокрачиванием их. На эту опасность отрыва отдельных союзных организаций от масс, на опасность бюрократического уклона в работе союзов, руководящие партийные и союзные работники также указывали давно и неоднократно.

Последний партийный с'езд дал сжатую характеристику тех основных уклонов и недочетов в работе профсоюзов, которые приводили к отрыву от масс, к ослаблению массовой работы союзов. «Перегруженные разнообразной хозяйственной, политической и об-

щественной деятельностью,—говорится в резолюции XIV с'езда,—профсоюзы часто не могли справиться со своей работой, проявляя односторонность, порой отодвигая на второй план свою важнейшую и главнейшую задачу—защиту экономических интересов об'единяемых ими масс и всемерную работу над поднятием их материального и духовного уровня»[1]).

Защита материальных и духовных интересов своих членов—это основное содержание работы союзов, основная база, на которой и вокруг которой союзы сплачивают, организуют, воспитывают пролетариат и постепенно поднимают его до понимания более общих задач, до понимания задач социалистического строительства и борьбы за коммунизм вообще. Именно на этой работе союзы выполняют свою роль «школы-коммунизма».

Но тут поперек дороги союзов стояла собственная деятельность их органов. С одной стороны, фабзавкомы тонули в различных «мелочах», которые они часто брались выполнять вместо администрации: выдача различных удостоверений, трамвайных талонов и пр. А с другой—рабочие переставали в фабзавкоме видеть своего защитника, когда этот фабзавком сам начинал выступать в роле хозяйственника-администратора.

ВЦСПС уже год назад определенно указал на существование в работе союзов «хозяйственного уклона» и на необходимость борьбы с ним. Тем не менее случаи вмешательства фабзавкомов в оперативную работу хозорганов, непосредственного проведения ими различных хозяйственных мероприятий и пр. продолжались и после и по сие время кой-где встречаются. Комиссии фабзавкомов и паритетные органы (РКК) иногда берут на себя чисто административные функции. Особенно это относится к расценочно-конфликтным комиссиям и производственным совещаниям. Расценочно-конфликтные комиссии иногда сами от своего имени об'являют выговоры, производят увольнения, переводят с разряда на разряд, с одной работы на другую, выносят постановления о приеме на работу распоряжаются заводским имуществом и пр. Множество таких случаях отмечалось в работе фабрично-заводских РКК, несмотря на неоднократные указания на этот счет от высших союзных инстанций.

Аналогичные явления встречаются в работе производственных совещаний. Занятые непосредственно вопросами производства, вопросами рационализации, упорядочения хозяйства, устранения дефектов и пр., производственные совещания и комиссии легче всего скатываются к администрированию. Это выражается: 1) в работе за хозяйственные органы—участие в хронометраже, составление норм выработки и пр., 2) в давлении на рабочих—выносят выговоры за прогулы, за неподчинение администрации, разбирают вопросы о повышениях или понижениях тарифного разряда отдельным работникам и пр.[2]), 3) в стремлении сделать свои предложения безусловно обязательными для администрации.

В вопросах выдвижения дело иногда доходит почти до выборности на производственных совещаниях мастеров, бригадиров и пр., что, конечно, идет в разрез с нашей современной

[1]) Резолюция XIV с'езда «О работе профсоюзов», § 7. Курсив наш.

[2]) См., например, журнал «Производственное Совещание», орган Ленинградского губпрофсовета, № 10 от 10 июня 1926 г., статья «Наша боевая задача».

системой хозяйственного управления. При этом, стремясь подчинить себе администрацию, иные бюро и комиссии производственных совещаний сами попадают в положение подсобных органов администрации.

Получается своего рода «сращивание» союзных органов с хозяйственными организациями. На пленуме ЦК союза совработников были однажды констатированы случаи построения экономкомиссий месткомов на началах представительства от администрации и месткома, так что получается некий новый тип смешанных органов.

Конечно, не все фабзавкомы страдают такими ошибками. Производственные совещания—молодые, новые организации, не имевшие прецедента в истории; ошибки в их работе неизбежны и постепенно изживаются ими, как это и отметил последний пленум ВЦСПС. Не следует только беду превращать в добродетель. А такие попытки делались перед XIV партс'ездом частью товарищей из числа профсоюзных работников Ленинграда (Глебов-Авилов, Гордон и др.), от которых фракция пленума ЛГСПС самым решительным образом отгородилась[1]). Перенося центр тяжести всей профсоюзной работы на работу производственных совещаний, они умаляли значение различных других форм массовой работы. Тем самым получалось вообще не «возвеличение», как может быть думали авторы этих планов, а умаление, подрыв общего значения профсоюзов, ибо союзы без связи с массами, без массовой работы—ничто. Хозяйственный уклон, поскольку он встречается в деятельности отдельных органов профсоюзов, должен быть ликвидирован прежде всего именно в интересах развития массовой работы самих союзов, их работы по охвату масс, по защите материальных интересов этих масс, по их воспитанию и пр.

Если наши профсоюзы в некотором отношении не успевают охватывать рабочих масс, то это не потому, что они вообще не развиваются, не улучшают своей работы. Наоборот, очень значительные достижения профсоюзной работы в разных областях стоят вне сомнения. Но дело в том, что, благодаря быстрому росту нашей промышленности, союзы иногда не поспевают, с одной стороны, за чисто количественным ростом рабочих масс, за притоком новых, сырых необработанных слоев из деревни и, с другой стороны, за ростом требовательности, запросов, активности всех рабочих прослоек вообще. Чтобы не отстать, чтобы итти в голове рабочей массы, профсоюзы должны устранить из своей работы последние остатки всего того, что мешает их движению, что гирей висит на их ногах—отдельные промахи и ошибки в своей практической работе, в том числе в первую голову административно-хозяйственный уклон.

3. Производственные задачи союзов и режим экономии.

Две характерные черты в современной обстановке определяют особые задачи, стоящие перед профсоюзами именно в настоящий момент. Сюда относится, во-первых, громадное количество еще не переварившихся в «фабричном котле» рабочих, влив-

[1]) В резолюции по докладу т. Андреева об итогах XIV с'езда, на заседании от 12 января. См. «Ленинградский Рабочий», № 3.

шихся в промышленность за последние годы. Даже в таких союзах, как союз металлистов, больше 50% членов вступили в союз за последние годы нэпа. Во-вторых, сюда относится тот решительный курс на индустриализацию, который взят в экономическом строительстве СССР.

С этой точки зрения перед профсоюзами в настоящее время стоит в качестве насущнейшей очередной задачи требование, во-первых, устранить противоречие об'ективной необходимости усиления массовой работы, с одной стороны, и наличия в их работе уклонов (хозяйственный и др.), мешающих этой массовой работе,—с другой. Во-вторых, союзам придется упорно поработать над устранением еще другого противоречия: противоречия между цеховыми настроениями части рабочего класса и задачей усиления работы союзов по участию в организации хозяйства.

Лозунг индустриализации и борьба за режим экономии, должны быть самым активным образом на деле поддержаны нашими профессиональными организациями. Без этого борьба не может увенчаться успехом. В этой борьбе союзы должны помочь нашим хозяйственникам. И здесь они столкнутся прежде всего с необходимостью преодоления цехового уклона в самой рабочей среде, преодоления производственной расхлябанности и пр.

За последний год констатировано некоторое ослабление производственной дисциплины и производительности труда. Оно связано в значительной мере с «разжижением» армии индустриальных рабочих притоком новых слоев, вышедших из деревни. Такие новые слои рабочих часто еще смотрят на фабрику, как на источник более или менее «побочного» заработка, как на дойную корову, которую надо использовать в своих частных интересах. Цеховая узость и близорукость здесь, естественно, налицо. Требование со стороны хозяйственников производственной дисциплины и твердого производственного режима расценивается такими группами рабочих, как «административный зажим», произвол и пр.

Конечно, профсоюзы не могут потакать таким настроениям на государственных предприятиях. Наоборот, борьба с цеховой узостью в рабочей среде является в наших условиях одной из важнейших задач профсоюзов.

Противоречит ли эта задача работе союзов, как «школы коммунизма»? Ясное дело, что не только не противоречит, а является необходимой частью этой работы. Нельзя преодолеть цеховые настроения, не овладев массой вообще. С другой стороны, овладение массой, ее воспитание предполагает участие в производственной работе, в работе по организации социалистического хозяйства.

Если бы профсоюзы «производственное воспитание» попробовали осуществлять при помощи «правил внутреннего распорядка» и «табели взысканий», т.-е. если бы они стали на путь административно-хозяйственной деятельности, то они вступили бы, действительно в непримиримое противоречие с задачей охвата и воспитания масс. Такого рода «экономическая работа» профсоюзов, действительно, не совместима с задачами союзов, как «школы коммунизма». **Хозяйственный уклон в работе союзов создает непримиримое противоречие между их экономработой и их задачами по воспитанию масс.**

Устранить это противоречие—значит открыть возможность действительного широкого участия профсоюзов в деле организации социалистического хозяйства советских республик.

Непримиримое в рамках одной организации—профсоюзов, это противоречие становится вполне примиримым и изживается при правильном разграничении функций между профсоюзами и хозорганами.

Принципиально вопрос о том, как должна строиться экономработа союзов в условиях нэпа, был уже давно решен партией (гл. обр. на XI с'езде) и союзами (на V всероссийском с езде в 1922 году). Противоречие между массовой работой и экономработой, возникающее в случае хозяйственного уклона, разрешается **сохранением своеобразия форм и методов** участия союзов в производственной жизни, сохранением ими в этой работе своего «лица», отдачей административных функций хозорганам.

В чем, например, может выражаться участие профсоюзных организаций в борьбе за установление режима экономии в области производства?

Как массовые организации, союзы, повидимому, прежде всего должны подойти к вопросу с точки зрения **мобилизации масс** вокруг этого вопроса. Союзы должны провести большую раз'яснительную кампанию, в которой выяснить задачи индустриализации и борьбы за экономию. Рабочие должны поголовно проникнуться сознанием того, что в современных условиях увеличение заработной платы и улучшение экономических условий существования рабочего класса вообще, возможно не иначе, как через дальнейший под'ем нашей **промышленности**. Рабочие должны знать, что их экономическое благополучие теснейше связано, в частности, с режимом экономии, что этот режим не направлен против экономических завоеваний нашего рабочего класса.

Конечно, дело не должно ограничиваться словесными об'яснениями. Союзы должны **на деле** бороться с попытками отдельных хозяйственников экономить не там, где нужно. Союзы должны в этом случае сохранить самостоятельную позицию по отношению к отдельным хозяйственникам и бить их по рукам, когда они пробуют «экономить» на кипятке для рабочих, на ухудшении условий охраны труда и. пр. Такая «экономия» нисколько не способствовала бы уяснению массами наших современных лозунгов, и не способствовала бы поднятию авторитета ни профсоюзов, ни хозяйственников.

Затем организации профсоюзов должны усилить массовый контроль над работой хозорганов вообще, давая последним конкретные, практические указания по докладам заводоуправлений, трестов и пр. на общих и делегатских собраниях рабочих, на производственных конференциях и совещаниях.

Работа производственных совещаний должна быть усилена. Для борьбы за экономию она имеет громадное значение. За последний год осуществление предложений производственных совещаний дало народному хозяйству многие сотни тысяч и миллионы

рублей [1]), без всякого превращения их в «законодательные» органы с административными функциями. В дальнейшем, в связи с усилением их деятельности, они дадут десятки и, может быть, сотни миллионов рублей экономии, способствуя устранению всяких тормозящих и удорожающих производство «мелочей» и общей рационализации всего производственного процесса. Часто ссылаются на «невнимательное отношение хозяйственников», как на причину того, что работа производственных совещаний за последний год ослабла. Но профсоюзы не должны успокаиваться на этой ссылке на хозяйственников, а прежде всего обратить внимание на свою собственную работу. Слабое руководство фабзавкомов, отсутствие плановости в работе производственных совещаний и другие недостатки являются довольно распространенными.

Очень много еще может дать и усиление работы профсоюзов по охране труда. Число несчастных случаев в нашей промышленности за последние полтора года весьма «планомерно» растет. Сверхурочные работы получили величайшее распространение. По РСФСР 16% работающих работают сверхурочно, по Украине—30% (считая за март), в металлургии этот процент достигает 70. Нет никакого сомнения, что улучшение гигиенических и санитарно-технических условий работы могло бы значительно способствовать и уменьшению числа несчастных случаев и повышению производительности труда. Низовые профсоюзные организации могли бы многое сделать для режима экономии, посредством таких «мелочей» (очень важных на самом деле), как борьба с грязью, с удушливым, спертым воздухом, плохим освещением и пр. Словом, работа по охране труда не только не отодвигается куда-нибудь на задний план в связи с задачей участия союзов в организации производства, но наоборот, приобретает важнейшее значение. Надо только ее соответственным образом поставить.

Конечно, участие профсоюзов в кампании по режиму экономии можно было бы свести к некоторым бюрократическим выдумкам и этим ограничиться. Практически такой оборот дела возможен и кое-где наблюдается. Например, некоторые заводоуправления организуют специальные оперативные комиссии по борьбе с накладными расходами и приглашают завкомы дать своих представителей в эти комиссии. Профсоюзы, в лице своих руководящих организаций, уже высказались против вхождения в такие комиссии. Кроме дублирования работы производственных совещаний и смешения административных и союзных органов, ничего от такого нового типа смешанных комиссий не получилось бы.

---

[1]) Вот для примера некоторые данные из доклада т. Владимирова о производственных совещаниях на последнем пленуме ВЦСПС:

«Подсчета практических результатов производственных совещаний, выраженных в рублях, мы еще не имеем. Но отдельные сведения этого рода имеются, например, в Туле, где производственная работа по об'ему не уступает ленинградской, были подведены итоги по инструментальному цеху. Осуществление предложений произв. совещаний с'экономило производству 64000 р. На Ленинградском заводе «Красный Треугольник» с'экономили для производства 148.000 рублей. На Харьковских заводах «Серп и Молот» и «ВЭК» также имеются значительные производственные достижения: улучшены качество формовочного материала и инвентарь формовщиков, найден способ использования обрезков, усовершенствован транспорт и проч.» («Труд» № 133).

Такой же бюрократической выдумкой надо считать и предложение предоставить производственным совещаниям на предприятии административные права, считать их предложения для хозорганов обязательными и т. п.

Если, как это указывалось, участие фабзавкомов в производственной жизни предприятия несколько суживалось за последнее время, то с этим, конечно, необходимо скорее покончить. Ограждая экономические интересы своих членов, профсоюзы должны в то же время не забывать о своем участии в хозяйственном строительстве, в деле организации государственного хозяйства советских республик. И когда советское государство ставит во главу угла всей своей работы задачу индустриализации, союзы не могут просто остаться в стороне, они должны усилить свою экономработу. Но это нисколько не значит, что они сами должны брать на себя хозяйственно-административные функции или пойти на «сращивание».

Это было бы нецелесообразно уже с точки зрения голого непосредственного хозяйственного эффекта, так как совершенно противоречило бы тому «прямому и жесткому курсу на единоличное решение, на ответственность», который необходим нашему хозяйству.

С другой же стороны, это имело бы то последствие, что рабочие стали бы смотреть на профсоюз не как на защитника своих интересов, а как на придаток административных органов.

4. Профорганы в заводском «треугольнике».

Вопрос о правильной постановке работы низовых профсоюзных ячеек—фабзавкомов—это в значительной мере вопрос о так называемом заводском «треугольнике».

«Треугольник»—это не три лица (как иногда это понимается), а три организации, поскольку дело касается их взаимных отношений. Задача заключается в том, чтобы, добиваясь дружной и согласованной работы, они не подменяли бы друг друга, не захватывали бы и не перепутывали специфических задач и методов друг друга. Вовсе не нужно, чтобы, скажем, завком и заводоуправление враждовали. Но необходимо, чтобы за единством они не забывали различия. Единство создается в условиях социалистических государственных предприятий общностью целей социалистического строительства, борьбы за коммунизм. Различие остается в виде различия непосредственных задач, форм и методов работы. Доля противоположности между профсоюзами и хозорганами в советских условиях остается, поскольку первые должны охранять интересы рабочих от бюрократических извращений хозорганов. «Наше теперешнее государство таково, что поголовно организованный пролетариат защищать себя должен, а мы должны эти рабочие организации использовать для защиты рабочих от своего государства и для защиты рабочими нашего государства» [1]).

«Союзы утратили такую основу, как классовую экономическую борьбу, но далеко не утратили и долгие годы еще, к со-

---

[1]) Ленин, «Сочинения», т. XVIII, ч. 1, стр. 12.

жалению, не смогут утратить, такую основу, как неклассовую «экономическую борьбу» в смысле борьбы с бюрократическими извращениями советского аппарата, в смысле охраны материальных и духовных интересов массы трудящихся путями и средствами, недоступными для этого аппарата и т. п.»[1]).

Отсюда вытекает и необходимость для профсоюзов сохранения самостоятельной позиции по отношению к административным органам государственной промышленности, несмотря на то, что это промышленность пролетарского государства. Перед лицом административных органов профсоюзы остаются защитниками интересов рабочих, иначе стирается их собственное лицо.

Тов. Томский очень хорошо сказал в одной речи об опасности слишком большой «дружбы» между завкомом и хозяйственниками, когда она устанавливается за счет связи завкома с массой. «Все живут в тесной спайке, друг друга похваливают, единство руководства обеспечено, но вот в чем горе—нет спайки с теми, которыми руководить нужно. Вот в чем самое слабое звено профсоюзной цепи!»

Получается иногда такое положение, что масса смотрит и говорит: «Вы уже такие хорошие взаимоотношения установили, что к кому ни обратись: обратись к Ивану, все равно, что к Степану»[2]).

Но работа фабзавкома зависит не только от установления внутри «треугольника» правильных отношений с администрацией предприятия. Не меньшее значение для завкома имеют отношения с «верхушкой» треугольника, с партийной ячейкой.

Парт'ячейка руководит фабзавкомом и его отношениями с заводоуправлением. Но она сама должна встать в определенные отношения к ФЗК и руководить определенным образом, иначе может получиться не усиление, а ослабление ФЗК. Такой плачевный результат получается в том случае, если ячейка подменяет завком и работает за него вместо того, чтобы добиваться его работы.

Ячейка не должна подавлять самодеятельности беспартийных рабочих в ФЗК и его органах, а направлять эту самодеятельность, не терять руководства. Также самодеятельности и ответственности должна требовать ячейка от фракции ФЗК, через которую она всей союзной работой руководит. Правильное руководство «верхушки треугольника» союзной работой предполагает, при действительном сохранении за партией решающего влияния, развитие максимума самодеятельности всех рабочих как партийных, так и беспартийных.

Сохранение «мелочной опеки», давно уже осужденной руководящими партийными инстанциями, очень отрицательно влияет на развитие союзных органов, подрывает их авторитет в глазах рабочих масс и тормозит выращивание беспартийного профсоюзного актива—этого резерва партии.

Одним из видов такого «чрезмерного» вмешательства парторганов в профработу являются «наблюдающиеся до последнего времени уклонения от нормального примирительного и третейского разбирательства конфликтов, путем перенесения их на

[1]) Там же, стр. 66.
[2]) М. Томский, «Вопросы практики проф. движения», стр. 15.

решение парторганизаций»[1]). В резолюции XIV парт'езда о работе профсоюзов имеется на этот счет следующее замечание:

«На ряду с мелочным вмешательством парторганов в повседневную работу профорганизаций выяснилось: несерьезный подбор руководящих работников профорганизаций, частая смена их, перенесение на решение парторганов большинства вопросов об условиях труда, зарплаты, колдоговоров и т. п., нарушая этим нормальные методы профсоюзной работы и принижая авторитет профсоюзов в глазах широких рабочих масс»[2]).

Но уже и после с'езда приходится встречаться с повторением старых песен на этот лад[3]).

Выступая на пленуме МК, тов. Угланов по поводу работы треугольника, между прочим, сказал: «Есть недостатки в работе хозяйственных органов и руководителей, есть недостатки в работе профсоюзных организаций и руководителей, есть недостатки в работе партийных организаций и руководителей. Поэтому мы и говорим: отстаивай сам порученное тебе дело».

Профсоюзы и, в частности, фабзавкомы должны отстаивать «порученное им дело». Партийная ячейка должна следить и за тем, чтобы свое дело «отстаивали» завком и заводоуправление, и за собой самою. «Верхушка треугольника» должна 1) руководить, 2) руководить определенным образом. Нарушая «нормальные методы профсоюзной работы», она нарушает нормальные методы своей собственной работы. Подменяя беспартийные рабочие организации там, где надо было бы развивать их самодеятельность, она сама подвергается опасности расплыться в беспартийности.

5. Защита «хозяйственного уклона» некоторыми представителями последней оппозиции.

В своем докладе на XIV партийном с'езде тов. Томский, между прочим, сказал:

«Я в газетах читал в кой-каких статьях отдельных видных партийных товарищей, что дело изображают так, что если самодеятельность рабочих пойдет в рамках партии, то это хорошая самодеятельность, если же она пойдет вне рамок партии,—а вне рамок партии самодеятельность рабочих проявляется только в профсоюзах,—то это уже нездоровая самодеятельность. Отсюда выводы о широком расширении партийных рядов».

Партийный с'езд осудил «политику, ведущую к чрезмерному разбуханию партийных рядов», при чем, как известно, «идеологами» такого «разбухания» были некоторые представители тогдашней ленинградской оппозиции. Является совершенно «закономерным», что в рядах той же оппозиции группировались также «идеологи» «хозяйственного уклона» в профсоюзной работе. Одно цепляется за другое, хотя для самих «авторов» партийных уклонов эта связь могла остаться неясной. Она даже наверняка должна была для них остаться неясной.

[1]) Резолюция XIV с'езда ВКП (б) о работе профсоюзов, § 22.
[2]) § 38-й резолюции.
[3]) См., напр., постановление ЦК о работе Родниковского районного комитета. «Известия ЦК ВКП». 1926. № 8 (129).

В самом деле, если профсоюзы должны уйти «глубже в производство» и центр тяжести своей работы переместить в сторону организации хозяйства, то их массовая работа должна отойти на задний план. Тогда задача непосредственного охвата масс перелагается на партию. Союзы перестают быть «приводными ремнями»; а по партийной линии дается лозунг: 90% рабочих в ряды партии.

С другой стороны, такое непонимание роли профсоюзов связано с непониманием задач и условий нэпа, которым страдала последняя партийная оппозиция. Оппозиция, как известно, по существу отрицала значение нэпа и его методов, как пути к коммунизму. В области же профсоюзной политики представители той же оппозиции, в сущности, если не пытались целиком воскресить некоторые традиции донэповского периода, то кое-какие тенденции тогдашних идеологов «сращивания», они, безусловно, восприняли и пытались проповедывать.

На этот счет в партийных и профсоюзных кругах в течение нескольких месяцев до XIV с'езда кое-какая полемика велась. И хотя это принадлежит прошлому, но прошлое не исчезает бесследно, попытки возродить «идеологию хозяйственных уклонов» в профработе возможны, и с этим следует считаться.

На этот раз главным представителем «хозяйственного направления» в профсоюзном вопросе выступал тов. Глебов-Авилов, тогдашний (до января наст. года) председатель ленинградского губпрофсовета. Еще в сентябре в передовой органа ЛГСПС «Ленинградский Рабочий» [1]) он выступал с лозунгом: «Союзы—глубже в производство!» В статье под таким названием он писал, что «в ближайшее же время нужно экономработу союзов реорганизовать, выдвинуть ее, как основную работу... Нужно, чтобы профсоюзы по-новому приобрели вкус к своей роли в производстве!»

Тов. Глебову-Авилову казалось, что союзы у нас до сих пор слишком мало углублялись в производство и слишком много занимались вопросами защиты интересов рабочих. «Последние 3—4 года (т.-е. в эпоху нэпа. *А. С.*) профсоюзы не только главное, но и исключительное внимание уделяли вопросам материального положения рабочих, непосредственной защите их интересов». Эти слова т. Глебова являются прямой противоположностью того, что о профсоюзах сказал сначала октябрьский пленум ЦК, а затем и XIV с'езд, сказавший, что союзы «порой отодвигали на второй план» свою главную задачу—«защиту экономических интересов об'единяемых ими масс» и т. д. [2]). Эта противоположность характерна для различия в понимании положения и задач профсоюзов большинством партии и одним представителем «новой оппозиции».

Дальше тов. Глебов в той же статье писал, что «бюро цеха (профбюро. *А. С.*) так же, как и производственная комиссия завода, должно всерьез обсуждать и, если нужно, при участии вышестоящих профессиональных и хозяйственных органов исправлять производственные программы завода, цеха. Эти производственные программы должны также обсуждаться на производственных совещаниях как цеховых, так и общезаводских».

[1]) От 28 сентября 1925 г.
[2]) Резолюция о работе профсоюзов, § 7.

Тов. Глебова повторяли в Ленинграде некоторые другие. На XXII Ленинградской губпартконференции с критикой профсоюзной политики партии выступил тов. Гордон и говорил о существующих якобы попытках «трэд-юнионизировать» наши профсоюзы.

Точка зрения тогдашней оппозиции из ленинградского губпрофсовета нашла свое отражение даже в учебниках. Так, в конспекте лекций по истории, теории и практике проф. движения, выработанных ленинградским губпрофсоветом для профкружков и курсов, имеется следующее характерное положение:

«В пролетарском государстве, где союзы призваны к активному участию в хозяйственном строительстве республики, экономработа союзов является стержнем, вокруг которого и на основе которого строится вся политика и практика союзов» [1]).

Такая позиция вовсе не была принята всем ленинградским губпрофсоветом того времени. Большинство было против позиции тов. Глебова-Авилова и его сторонников и решительно от них отмежевалось в специальной резолюции фракции пленума ЛГСПС (по докладу об итогах XIV с'езда, 12 января наст. года). Орган того же ЛГСПС еще до этого выступил против позиции тогдашнего председателя ЛГСПС. В передовой статье («Об основной задаче профсоюзов и о «нашей» оппозиции») от 4/I «Ленинградский Рабочий» следующим образом резюмировал эту новейшую дискуссию о профсоюзах:

«XIV с'езд, идя по стопам XI с'езда ВКП (б), твердо и ясно подтвердил, что основной задачей профессиональных союзов является защита материальных интересов широких масс рабочих и их организация. Кто не понимает первостепенной важности этой задачи, кто пытается подменить ее другим лозунгом и хотя бы лозунгом: «Союзы—глубже в производство», тот конечно, не понимает окружающей действительности и назначения профсоюзов при нэпе. А именно этим чудовищным непониманием задач профсоюзов страдала с'ездовская оппозиция, поскольку о ее точке зрения можно судить по рассуждениям одного из ее лидеров».

Таким образом, по существу, позиция тов. Глебова и его сторонников была попыткой оформления, закрепления и узаконения хозяйственных уклонов в практической работе некоторых отдельных профсоюзных организаций. Это была попытка создать новую идеологию «сращивания». Позиция эта очень напоминает кое-какие синдикалистские формулы блаженной памяти рабочей оппозиции и «цектранистов» начала 1921 года.

В то время, еще до перехода к нэпу, тогдашняя оппозиция (тов. Троцкий в том числе) считала, что задачей наших союзов является «организовать производство». При этом т. Троцкий и другие ссылались на известный пункт в нашей партийной программе, который говорит, что «профсоюзы должны притти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым».

Тов. Ленин в тогдашнем споре уже раз'яснял, что этот пункт вовсе нельзя толковать так, что задача союзов—организовать

[1]) Цитирую по статье Б. Козелева в «Вестнике Труда» № 1 за 1926 г. стр. 7. Подчеркнуто мною.

производство. Программа партии ставит, по словам Ленина, «очень «строгие» и очень длительной работы требующие «условия» для дальнейшего». Заметьте, говорит Ленин, программа утверждает, что союзы «должны притти к фактическому сосредоточению управления не отраслями промышленности и не промышленностью, а всем народным хозяйством и притом, как единым хозяйственным целым: это условие, как экономическое условие, действительно выполнимым можно считать не раньше, чем тогда, когда за мелкими производителями и в промышленности, и в земледелии осталась меньшая, чем половина, доля в населении и в народном хозяйстве».

«Резюмировать все это таким образом, что наша партпрограмма «формулировала» задачу профсоюзов «организовать производство», явно неправильно» [1]).

Очень часто, опираясь на какое-нибудь общее положение, хотят дать конкретный лозунг дня, не изучая особой природы этого «дня». Так это бывает и в вопросе о задачах профсоюзов, когда люди вспомнят какое-нибудь общее, совершенно верное само по себе, положение и выкинут лозунг, очень мало подходящий в качестве практического руководящего лозунга момента.

Нельзя, например, судить о современных задачах наших профсоюзов только по тому, совершенно бесспорному, положению нашей партпрограммы, что союзы должны притти к сосредоточению в своих руках управления народным хозяйством, как единым хозяйственным целым. Надо еще знать, каким именно образом можно к этой цели приближаться в каждый данный момент, в особых, неповторяемых конкретных условиях этого момента. Нужно видеть в работе пути, переходы, очередные звенья. Нужно определять своеобразные переходные задачи в их конкретности. Словом, нужно уметь практически применять материалистическую диалектику марксизма.

Ленинградская оппозиция 1925 года в профсоюзных вопросах ошибалась, поскольку не понимала своеобразия положения союзов и не могла верно определить того центрального звена в их работе, которым определяется основное содержание их работы в настоящее время.

---

[1]) Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. 1 стр. 67.

М. Альский.

Крестьянское движение в Гуандуне.

(*Начало статьи см. в № 12*).

Бесправие и экономический гнет, произвол военщины, местных властей и «бумажных тигров», наконец, разгул бандитизма—были теми условиями, которые вызвали к жизни крестьянское движение в Гуандуне.

Движение крестьян в Гуандунской провинции давно обращало на себя внимание Гоминдана. Еще покойный основатель и вождь этой партии, Сун-Ят-Сен, признавал необходимым не только политическое оформление этого движения в провинции, но и приобщение его к революционному движению всего Китая.

В 1924 году, после реорганизации Гоминдана, при его центральном комитете был создан специальный отдел по работе среди крестьян. В одной из своих деклараций по крестьянскому вопросу Гоминдан заявил, что, согласно принятой им на I конгрессе политической программе партии, он будет добиваться в отношении крестьянства «фиксации налогов и арендной платы на земли, отмены всех чрезвычайных сборов, проведения переписи населения, реорганизации земельных отношений, такой стандартизации производства и потребления, чтобы народ мог иметь равную для всех и достаточную пищу, реформы сельско-хозяйственных деревенских организаций, улучшения жизни крестьян, урегулирования землепользования, снижения цен на землю, установления обязанности землевладельцев отчитываться перед правительством и права правительства покупать у помещиков их земли для предприятий общественного значения». Далее Гоминдан заявил в той же декларации, что «партия стремится к тому, чтобы земля была распределена между крестьянами, которые не имеют земли и вынуждены поэтому работать в качестве сельско-хозяйственных кули, что Гоминдан будет добиваться открытия сельскохозяйственного банка, чтобы помочь крестьянам, которые эксплоатируются ростовщиками, проведения мелиорации почвы и ирригационных работ, изменения методов обработки земли и привлечения капиталов к обработке пустующих земель».

Указав далее, «что количество обрабатываемой в Китае земли уменьшилось за 8 лет на 400 миллионов мау», что «количество пустующих земель все более и более увеличивается», что «производительность страны уменьшается, а число наемных солдат и бандитов из года в год увеличивается», что «база существования нации поставлена под угрозу», что «экономической причиной крестьянской бедноты является высокая арендная плата, тяжелые налоги, вымогательства милитаристов и жадность земельных собственников, а политической—бесконечные войны милитаристов, за которые расплачивается крестьянство, отсутствие у крестьян политических прав и притеснение их со стороны ман-

даринов, милитаристов и земельных собственников».—Гоминдан призывал крестьян сплотиться вокруг партии и предостерегал помещиков, джентри и местные власти от безчинств против крестьян.

Крестьяне живо откликнулись на зов Гоминдана. Влияние его стало быстро распространяться среди крестьян и мелких арендаторов. Оно стало мало-по-малу проникать и в «крестьянские дружины» и другие «крестьянские» организации, созданные помещиками для порабощения крестьян. Спустя короткое время Гуандунская провинция покрылась сетью крестьянских союзов, которые стали так или иначе увязывать свою работу с Гоминданом. Спустя лишь 6 месяцев крестьянский союз имел уже 50 местных организаций в 15 префектурах провинции.

Реакционные элементы южно-китайской деревни испугались новой формы движения крестьян. Они сделали было попытку запугать крестьян путем массового и индивидуального террора и тем самым помешать или, по крайней мере, затруднить им организацию крестьянских союзов на местах. Милитаристы, помещики и бандитские шайки выступили единым фронтом против крестьян. Они стали чинить над ними насилия и в Гуан-Нине, и в Хоачуйене, и в Тун-Хуане. Местные власти не только не стали в защиту крестьян и их организаций, но нередко выступали заодно с их гонителями и эксплоататорами-помещиками, ростовщиками, джентри, милитаристами и бандитами.

Политика Гоминдана в отношении развертывавшегося крестьянского движения не всегда, однако, отличалась достаточной устойчивостью. Этому в известной мере способствовало и состояние гражданской войны в Гуандунской провинции, и борьба за власть, и борьба внутри самого Гоминдана.

В тех случаях, когда крестьянство не так скоро приходило на помощь Гоминдану, в партии раздавались голоса, что крестьянам чужды интересы революции; наоборот, когда крестьянские организации быстро откликались на зов Гоминдана, в партии раздавались другие голоса.

В зависимости от хода политических и военных событий, Гоминдан уделял крестьянскому движению то большее, то меньшее внимание. Но на первых порах он ограничился одной лишь агитационной работой среди крестьянства. Он оперировал широковещательными программами и отвлеченными лозунгами, избегая в то же время говорить о том, что крестьянские союзы, в конце концов, должны стать классовой организацией беднейших слоев неселения китайской деревни.

Почувствовав угрозу со стороны новой организации крестьян, помещики, милитаристы и бандитские шайки Чана в Хай-Фыне об'единились для подавления молодого крестьянского движения. Местные крестьянские организации со своей стороны, поставили вопрос о выступлении с забастовкой-протеста против готовящегося против них выступления об'единенных сил их эксплоататоров. Но вождь их Пейн-Пан отклонил это предложение. Он считал, что военные силы Чана слишком велики, что крестьяне не имеют оружия и что они не могут пока рассчитывать на поддержку извне.

Желая мобилизовать на свою сторону одних и напугать других крестьян, Чан опубликовал аграрную программу ККП. Но Чан ошибся. Он добился обратных результатов. Крестьяне узнали

о существовании в городе рабочей партии. Они поручили своему вождю Пейн-Пану связаться с ней и постараться получить у нее оружие.

В том же Хай-Фыне 10-членная гоминдановская ячейка в целях пропаганды отправила одного из своих членов к Шио-Тхе-Сиен. Спустя некоторое время Шио-Тхе-Сиен послал двух своих делегатов в местный крестьянский союз для изучения программы его деятельности. Удовлетворившись результатами своего опроса, они вернулись обратно в свой отряд для пропаганды. С тех пор начался прилив людей из отряда Шио-Тхе-Сиен в местную крестьянскую организацию.

«Партия длинноволосых», студенты, дети крестьян и отдельные крестьяне стали мало-по-малу вступать в сношение с десятками и с организованными ими крестьянскими союзами и организациями.

Помещики и ростовщики, джентри и бандиты с самого начала поняли, что под руководством Гоминдана в деревне формируется новая сила, с которой им придется в дальнейшем вести жестокую борьбу. Они открыли «крестовый поход» против новых крестьянских организаций в деревне. «Крестьянские дружины» и наемные бандитские шайки стали громить крестьянские союзы. Они стали захватывать их помещения, арестовывать и убивать наиболее видных их работников. Таким образом, в Гуандунской деревне, у самой колыбели организованного крестьянского движения, началась упорная борьба за право существования крестьянских союзов. Борьба эта с самого начала стала принимать формы открытых вооруженных столкновений между беднейшими слоями крестьянства и мелкими арендаторами, с одной, и землевладельцами и джентри, с другой стороны. Слабые ячейки крестьянских союзов не выдерживали напора помещиков и деревенской знати,—они распадались, не успев, или почти не успев, пустить корней в население. Выживали лишь наиболее сильные из них. Они становились в дальнейшем опорными пунктами строительства крестьянских союзов в деревне.

После разгрома в Кантоне купеческого корпуса «бумажных тигров», крестьянские союзы несколько окрепли, а помещики и их организации несколько присмирели.

Крестьянский союз в районе Фасьена об'единял в своих рядах до 3000 членов, вернее семей, так как вступление главы семейства в члены союза обозначает, в сущности, на юге Китая вступление в него и всей его семьи. Членами этого союза здесь являлись в большинстве случаев мелкие арендаторы-крестьяне, которые состояли одновременно и членами тайной полурелигиозной крестьянской организации «Союза Большого Меча».

Местный крестьянский союз организовал в этом районе несколько клубов для крестьянской молодежи. В четырех деревнях он открыл вечерние школы. В самом Фасьене им издавалась крестьянская газета «Фасьеновское Крестьянское Обозрение», которая имела тираж до 1000 экземпл. в день. Союз имел в своем распоряжении отряд, который был вооружен 100 единицами ручного огнестрельного оружия крайне устарелых образцов.

В противовес этой организации, помещики организовали в Фасьене свой союз—«Союз Помещиков». Он сразу же стал делать попытки к разгрому крестьянского союза.

В конце октября 1924 года в Гуандуне произошло первое большое столкновение между крестьянскими организациями и помещиками.

В районе Фасьена крестьянские организации пред'явили помещикам требования о снижении арендной платы на 40%. Помещики ответили на это мобилизацией всех своих сил. Они решили разгромить крестьянские союзы. Боясь, однако, что кантонское правительство окажет поддержку крестьянам, они отказались от открытого нападения и стали применять систему индивидуального террора против руководителей крестьянских организаций. Боясь, в свою очередь, новых осложнений в провинции, после только что закончившейся борьбы с «тиграми», кантонское правительство решило воздержаться от открытой поддержки крестьянских союзов. Конфликт затянулся. Крестьянские организации понесли ряд мелких поражений.

В апреле 1924 года по почину нескольких кантонских рабочих-маслоделов, связанных с местной организацией ККП в Гуан-Нине, в 200 километрах к северо-западу от Кантона, организовался крестьянский союз. Деятельность его быстро развернулась. В течение короткого времени он об'единил уже в своих рядах несколько тысяч членов. Он стал издавать газету «Гуаннинские Крестьянские Известия» и организовал вооруженный отряд в 300 человек. Помещики и джентри насторожились. Они мобилизовали свои отряды и разгромили две организации крестьянского союза в Циан-Тон и Там-Пу. Отношения между крестьянскими союзами и помещичьими организациями крайне обострились. В ноябре месяце гуан-нинский крестьянский союз вынес постановление о необходимости добиваться снижения на 40% арендной платы на земли.

Помещики ответили на это мобилизацией всех своих отрядов и наступлением на центр уездной крестьянской организации—местечко Тану. Они атаковали крестьянский отряд у деревни Шен-Хай. Между отрядами крестьян и помещиков произошло вооруженное столкновение. На помощь помещикам пришли некоторые отряды разбитого в Кантоне корпуса «бумажных тигров». Об'единенными силами они перешли к партизанским военным действиям, против крестьянских союзов. Они стали сжигать отдельные деревни, уводить скот, захватывать отдельных членов союзов и разорять крестьян.

И крестьяне и помещики одновременно обратились к правительству и Гоминдану, взывая о помощи. Печать открыла бешеную кампанию против крестьянских союзов, изображая их шайками бандитов.

Правые группировки Гоминдана, генерал Фан-Сын-Сан, командир 2-го юнанского корпуса, связавшийся с купечеством после разгрома в Кантоне «бумажных тигров», и генерал Ли-Фу-Лин, командир 3-го кантонского корпуса—любимец кантонских купцов и официальный руководитель деревенских отрядов в районе Кантона,—открыто стали на сторону помещиков. Они обратились к правительству с требованием о немедленном подавлении восстания крестьянских союзов. Левое крыло Гоминдана вместе с коммунистами стало на защиту крестьянских союзов. Вначале центр Гоминдана резко заколебался, но потом он перешел на сторону крестьянских союзов. Положение определилось. Кантонское

правительство выслало одну из своих дивизий на помощь крестьянским союзам.

Прибыв на место, дивизия перешла на сторону помещиков. Узнав об этом, правительство выслало на смену дивизии свой бронеотряд. Он пришел на место с плакатами: «По приказу генералиссимуса Сун-Ят-Сена, мы прибыли в Гуан-Нин для защиты крестьян». Его прибытие сразу же подняло настроение борющихся крестьян. Они выдвинули дополнительные требования об отмене натуральных налогов, об аресте руководителей помещичьих отрядов и конфискации их земель в польззу крестьянских союзов. Между отрядами крестьян и бронеотрядом, с одной стороны, и помещиками, с другой—произошло вооруженное столкновение. Первые потеряли в бою несколько десятков человек ранеными и убитыми и вынуждены были отступить.

Помещичьи организации, право-гоминдановские группировки и некоторые кантонские генералы, ободренные этим успехом, усилили свою кампанию в печати против крестьянских союзов. Помещики стали забрасывать народ листовками, в которых обвиняли правительство в пристрастии к одной части населения. Они заявляли, что «нацию составляет весь народ. Если, однако, правительство пристрастно к одной части его, то народ не может ему повиноваться»..., что «целью крестьянских организаций является свержение капитализма и помещиков, поэтому мы не можем бороться против них, не можем не добиваться их полного уничтожения»...

Газета 72 гильдий кантонского купечества, в номере от 10 декабря 1924 года, поместила статью своего корреспондента, в которой описывались несчастия, причиненные помещикам организованной партией Гоминдан крестьянской лигой в Гуандуне. «Лига принудила землевладельцев, — писала газета,—взимать арендную плату на 40% меньше прежнего. Согласно китайским обычаям, землевладелец имеет абсолютные права над своими рисовыми полями. Он может сдавать их кому угодно на основе обычного договора. Арендатор за свой труд и землевладелец за право на свои земли, получают по одной половине урожая. Из своей доли землевладелец уплачивает налог и выполняет ряд других общественных повинностей. В случае наводнения он обычно помогает арендатору в покупке семян для посева. Вообще говоря, землевладельцы сдержаны в своих требованиях, но для советских руководителей и бюро гоминдановской пропаганды это положение как-будто даже неизвестно. В округе Гуан-Нине большевистское требование сокращения арендной платы на 40% имело своим последствием вооруженный конфликт между ассоциацией землевладельцев и гоминдановской крестьянской лигой. Красные гоминдановцы обвиняют землевладельцев в их симпатии к купеческим волонтерам и пытаются разоружить волонтеров на том основании, что последние являются противниками гоминдановского режима». Газета заканчивает свою статью заявлением, что, «несмотря на хорошие взаимоотношения между помещиками и арендаторами, гоминдановская большевистская агитация начинает приносить все больше и больше бед».

Другая купеческая газета поместила в тот же день сводку успехов помещиков. Она указывала на пять случаев столкновений между землевладельцами и арендаторами. «В районе Синь-Хуй крестьяне требуют сокращения арендной платы на половину,

указывая, что вторая половина пойдет на расходы вновь организованной крестьянской лиги. Так как землевладельцы отказались выполнить это требование, отряды крестьянской лиги стали отбирать скот у землевладельцев. Ныне землевладельцы организуются, готовясь к борьбе в защиту своих прав. Аналогичные конфликты происходят и в округе Бао-Ань. Землевладельцы, живущие вокруг «Бокка-Шайзис» не намерены исполнять требований гоминдановских красных. Несколько дней тому назад им удалось разрушить гоминдановский штаб крестьянских организаций. Из Тайкон-Марта сообщают, что волонтеры обыскали гоминдановский штаб крестьян, конфисковали оружие и убили одного и ранили другого гоминдановского красного». В то же время гонгконгская пресса, сообщая о столкновениях в Гуан-Нине, стала необычайно раздувать этот конфликт. Она призывала «все здоровые силы сплотиться и дружно выступить против большевиков Гоминдана и красной опасности».

В ответ на это крестьянские организации выпустили следующее воззвание: «Арендаторы в Шокинге составляют почти 90% населения Гуан-Нина. Однако, поля принадлежат здесь лишь нескольким фамилиям Конг, Фунт и Чен. Такое положение в высшей степени несправедливо. Землевладельцы требуют от 20 до 30 долларов арендной платы в год за каждое мау земли. Они взимают сверх того у арендаторов и другие сборы. Продукция каждого мау рисового поля составляет приблизительно 80 китайских бушелей. На уплату ренты должно уйти 60 бушелей. Таким образом, производителю на целый год остается лишь 20 бушелей, стоимостью в 6 мексиканских долларов. Возможна ли жизнь с семьей на такой маленький доход? Чтобы обработать одно мау рисового поля, арендатор должен израсходовать 2 доллара на семена, 2 дол. на удобрение, 1 дол. 20 центов на починку орудия, на оплату труда и ряд других непредвиденных расходов. Доход с земли не обеспечивает арендатору в Гуан-Нине возможности поддерживать существование своей семьи. Мы можем видеть в округе, как 80-летние старики работают иногда за плугом, а дети младше 9 лет, как вьючные волы. Землевладельцы не видят всего этого. Помимо высокой арендной платы землевладельцы вымогают у своих арендаторов домашнюю птицу и овощи, которыми они заполняют свои закрома. При помощи бюро защиты землевладельцы собирают ежегодно налоги с крестьян в размере 40 центов за каждую печку в доме, 20 центов за каждый дом, 80 центов за каждого буйвола и 40 центов за каждую голову скота. Несмотря на все несправедливости, которые терпят арендаторы, последние просят только об уменьшении арендной платы на 40% и человеческого обращения».

На почве конфликта в Гуан-Нине стали обостряться разногласия и в самой партии Гоминдан. Кантонское правительство и Гоминдан должны были выбирать между правой и левой политикой в крестьянском вопросе,—между крестьянскими союзами и феодально-помещичьими организациями,—но посылкой в Гуан-Нин своих отрядов на помощь крестьянским союзам они ввязались уже в борьбу. Отступление в этих условиях означало не более и не менее, как «потерю лица» со стороны кантонского правительства и Гоминдана.

Между тем борьба между крестьянскими и помещичьими организациями в Гуан-Нине стала затягиваться. Чтобы поддержать свой авторитет и чтобы ускорить ликвидацию конфликта, кантонскому правительству пришлось послать на помощь крестьянским организациям и своему бронеотряду надежную воинскую часть. На этот раз им был послан в Гуан-Нин бодигард[1]) Сун-Ят-Сена, численностью в 250 человек, при одном орудии и подрывной команде. Придя на место столкновения, начальник отряда, генерал Ли, признал, однако, требования крестьянских организаций невыполнимыми и перешел на сторону помещиков.

Положение кантонского правительства осложнилось до крайности.

Помещики подняли голову. Они выпустили новую прокламацию следующего содержания: «Восемь потребностей существует, и из них пища — главнейшая. Есть четыре занятия, и земледелие—важнейшее из них. Крестьяне обрабатывают землю, чтобы прокормить свою семью. Собственник участвует в дележе его продуктов, чтобы платить государственные налоги. В этом смысл земледельческой жизни. Недавно некоторые преступные люди потеряли свои сердца и, подобно воробьям, стали есть чужую пищу. Подобно акулам, поедающим все на своем пути, они организовали группы и отделения своего союза. Их злоба растет с каждым днем. Она хуже чумы. Их ужасное влияние увеличивается подобно волнам. Они забывают, что есть чужую пищу—не значит быть героем, а забирать чужое имущество—не значит быть храбрым. Отныне мы заявляем, что мы не согласны с требованием уменьшения арендной платы. Крестьяне ошибаются, идя против установленных правил. Мы просим крестьян быть поосторожнее. Это наше предупреждение».

Вслед за этой они вскоре выпустили и вторую прокламацию, в которой недвусмысленно заявляли, что они не пойдут на уменьшение арендной платы, что они не потерпят организации крестьянских союзов, что они не поступятся своими интересами, что «во время сбора урожая мы будем носить винтовки и ножи, и скорее умрем, нежели отдадим хоть одно зерно крестьянскому союзу». Они обещали вернуть половину земельной ренты тем крестьянам, которые выступят против членов крестьянских союзов. Они брали на себя заботу о раненых, а в случае, если крестьянин погибнет в борьбе за их интересы, они обязывались выплатить его семье 600 мексиканских долларов. Крестьянские организации ответили на эту прокламацию следующим своим воззванием, обращенным ко «всем народам Китая»: «Когда мы напали на Дан-Бу и атаковали контр-революционные силы,—говорилось в этом воззвании,—два лидера помещиков, Дзянь-Хан-Ин и Дзяй Ван-Ин, установили контакт для того, чтобы разрушить крестьянские союзы в Гуан-Нине. Шайка бандитов, состоящая из 300 человек, которой мы не могли оказать сопротивления, арестовала 7 членов нашей организации. Она забрала 8 винтовок и ограбила крестьян деревни Лун-Ван-Хунь. Одновременно с этим помещики в деревне Дзянь-Дунь и У-Хуа собрали другую банду и напали на деревню Нан-Хай. Ими было сожжено 20 наших домов. В огне погибло 10 женщин и детей. Эти акты жестоки. Они хуже тех преступлений, которые совершили купеческие волонтеры в Кантоне, открыв огонь по невооруженной толпе. Наш союз, защищающий крестьян и выполняющий законы революцион-

[1]) Бодигард—личная охрана.

ного правительства, никогда не уживется рядом с помещиками, которые угнетают нас, превращая в своих рабов. Мы клянемся, что будем вести борьбу с контр-революционным движением. Мы надеемся, что кантонское правительство и все крестьянские союзы поддержат нас в этой борьбе».

Несмотря на давление кантонского правительства и Гоминдана, генерал Ли не изменил занятой им позиции в конфликте между крестьянскими и помещичьими организациями. Кантонское правительство оказалось вынужденным отозвать генерала Ли. Оно заменило единоличное—коллективным командованием. Лишь после этого об'единенные силы правительственного бронеотряда, бодигарда и крестьянских организаций перешли в наступление. Они начали громить отряды помещиков. Они загнали их в деревенские крепости. Но крепости не поддавались артиллерийскому огню. Их пришлось брать при помощи саперных работ и подрывных средств. В конце концов, помещичьи отряды были разбиты. Отобранное оружие и конфискованное имущество руководителей помещичьих организаций было передано крестьянским союзам. По этому случаю Гоминдан выпустил следующее воззвание: «Крестьяне Гуан-Нина! В течение последнего месяца вы много страдали от борьбы. Вы страдали от голода и жажды, но вы не щадили своей жизни, выступив в защиту своих крестьянских организаций, в борьбе против жестоких помещиков. Вы не только одержали победу над ними, но вы приобрели громадный опыт. Теперь вы знаете, кто ваши враги и кто ваши братья. Вы знаете, кто боролся против вас и кто защищал вас. Вы теперь знаете, что прежние правительства притесняли вас, а теперешнее гоминдановское правительство помогает вам. Раньше солдаты причиняли вам массу хлопот, а теперь гоминдановские солдаты помогают и любят вас. Победа вами достигнута с помощью гоминдановских солдат, но главной силой были вы сами. Вы этого не должны забывать. Все вы теперь знаете важность и необходимость организации. Братья, вы одержали победу, но вы должны знать, что помещики еще не подчинились. Они воспользуются всяким удобным случаем, чтобы снова восстать против нас. Мы должны быть готовы к этому. Мы не желаем угнетать других, но мы не желаем также, чтобы нас угнетали. Победа не доведена еще до конца. Имеется еще много уездов, где помещики угнетают наших братьев-крестьян. В настоящее время вы должны установить контакт со всеми крестьянскими союзами всех уездов для того, чтобы достигнуть окончательной победы в интересах крестьянства. Свобода крестьянства зависит только от силы самих крестьян. Братья крестьяне, гуан-нинского опыта вы не должны забывать. Отныне мы должны удвоить наши силы».

С тех пор помещичьи организации прекратили открытые вооруженные нападения на крестьянские союзы. Помещики вернулись к старой тактике индивидуального террора против наиболее активных и видных работников крестьянских союзов.

Правительство и партия вышли из этого конфликта с большим политическим багажем. Они привлекли на свою сторону малоимущие слои крестьянства. Крестьянские союзы стали быстро расти. Если в начале столкновения они об'единяли в Гуан-нинском уезде 3000, а после победы—25.000 членов, то к июню месяцу 1925 года они об'единяли уже 55.000 крестьян. Если во всей Гуандунской провинции крестьянские союзы об'единили, в начале конфликта в Гуан-Нине, 10.000, а после одержанной там победы—63.000, то к концу июля 1925 года они об'единяли уже до 200.000 членов.

В то же время конфликт этот еще резче выявил правое крыло Гоминдана. Оно открыто связалось с феодально-помещичьими и купеческими слоями города и деревни.

Впоследствии кантонское правительство издало декрет, коим арендная плата на земли в Гуандунской провинции устанавливалась не свыше 50% урожая. Половина арендной платы должна была поступать в пользу землевладельца, а другая половина, в виде налога, в доход гуандунской казны. Из своей части кантонское правительство должно было возвращать половину обратно крестьянину. Иначе говоря, арендная плата с земли была установлена кантонским правительством в размере 37,5% урожая, из коих 25% поступают в карман помещика и 12,5%—в доход казны. Несмотря на всю тяжесть такой арендной платы, крестьяне хорошо встретили этот декрет правительства, ибо он снизил, в сущности, существовавшую до того арендную плату на землю с 60—70% до 37,5%.

В последнее время крестьянское движение значительно развернулось и окрепло. Оно стало уже выдвигать требования: 1) об урегулировании вопроса об арендной плате; 2) о «запрещении системы землевладельцев второй степени»; 3) об упразднении обычая, по коему арендная плата должна уплачиваться авансом; 4) об упразднении обычая, по коему крестьяне должны делать подарки своему помещику; 5) об установлении, в виде общего правила, что крестьяне освобождаются от обязанности платить арендную плату в годы неурожая и голода; 6) о том, что издержки по обработке и улучшению качества земли должны возмещаться помещиком арендатору земли; 7) о лишении помещиков права обмена заарендованных участков земли, если арендатор не дал на то своего согласия; 8) об улучшении системы мер и весов; 9) об уничтожении всех добавочных налогов, кроме поземельного; 10) о запрещении взимания земельного налога на несколько лет вперед; 11) об освобождении от поземельного налога пустующих и неудобных земель; 12) о предоставлении крестьянским советам права использования необработанных земель; 13) о наделе землей деревенской бедноты и безработных крестьян; 14) об улучшении системы орошения; 15) о защите крестьянской общественной собственности и фондов; 16) о снижении учетно-ссудного процента, взимаемого в ломбардах, и ростовщического процента на ссудный капитал; 17) об учреждении крестьянского банка и кооперативных организаций по покупке и продаже продуктов крестьянского производства; 18) об организации промышленности для обработки продуктов сельского хозяйства; 19) об упразднении обычая, по которому потомки должны платить долги своих предков.

В отношении сельско-хозяйственных рабочих крестьянское движение выдвинуло особые требования: 1) об увеличении заработной платы; 2) об уменьшении рабочих часов; 3) о лучшем обращении со стороны нанимателей и 4) об уравнении оплаты труда женщин и подростков с заработной платой взрослых рабочих.

Со стороны крестьянских союзов раздаются уже голоса в пользу борьбы с невежеством и темнотой крестьянских масс путем организации системы просвещения крестьян.

На первом крестьянском с'езде Гуандунской провинции, происходившем одновременно со II Всекитайским Рабочим Конгрессом в Кантоне, 1 мая 1925 года, 117 крестьянскими делегатами было представлено 210.000 организованных крестьян 22 округов Гуандунской провинции.

По некоторым более осторожным данным, на 1 мая 1925 года крестьянские союзы об'единяли в Гуандунской провинции 173.000 членов. Они имеют 10 районных об'единений, 88 волостных и 572 деревенских организаций. Это видно из следующей таблицы:

Названия уездов	Уезд. орг.	Волост. организ.	Дерев. орг.	Число членов	Агитаторов	Коммунистов
Гуан-Нин	есть	12	294	54.992	4	5
Сян-Шань	»	8	58	8.000	8	4
Сюн-Так	»	3	16	1.300	5	9
Дунгуан	»	8	13	4.000	3	4
Бао-Ань	»	4	27	2.210	2	—
Хуа-Сянь	»	4	17	1.900	5	10
Нань-Юй	»	3	11	1.500	1	—
Лу-Фынь	»	11	не уста-	12.500	1	2
Хай-Фын	»	9	новлено	70.000	1	5
Пу-Нин	»	6	24	12.400	1	3
Уинь-Юань	нет	2	18	781	2	2
Гао-Яо	»	1	10	2.800	—	—
Цюй-Цзян	»	3	10	1.500	2	1
Нань-Хай	»	1	2	2.120	1	—
Хуйчжоу	»	3	16	2.000	2	2
Чао-Ань	»	1	5	232	—	—
Цзян-Чен	»	1	3	1.570	—	—
Хо-Шань	»	1	4	365	—	3
Синь-Хуй	»	нет	3	60	—	1
Юнь-Фоу	»	»	1	23	—	—
Сюе-Цзин	»	3		850	1	—
У-Хуа	»	3	не установлено	2.000	—	—
Шен-Хай	»	1		370	—	—
Итого	10/13	88	532	173.100	39	52

Судя по некоторым данным, правда, не совсем точным, за истекшие пять месяцев, со времени II крестьянского с'езда в Кантоне, число крестьянских организаций увеличилось еще на 34, а все крестьянские союзы об'единяют уже около 500.000 членов в 12 округах провинции. В 18 округах этой провинции союзы еще не организованы, а в 3-х должны быть организованы в ближайшее время.

В момент выступления об'единенных сил южно-китайской контр-революции: Джен-Цзю-Мина, Сен-Ке-У, Ян-Кун-Чжу, Тин-Пин-Чена в союзе с Гонгконгом, против кантонского правительства, Центральный Комитет Крестьянского Союза Гуандунской провинции опубликовал следующий манифест:

«На протяжении тысячелетий крестьянство Китая жило в условиях худших, чем рабство. Крестьяне не имели ни возможности, ни подходящего случая, чтобы выразить свои жалобы.

Впервые за нашу долгую историю мы имеем в настоящее время случай организоваться против наших эксплоататоров. Революционное правительство предоставило крестьянству легальную возможность организации. К несчастью, это не может быть нами использовано целиком. Пользуясь своей силой, милитаристы, бюрократы и деревенская знать не дают нам организоваться. Несмотря на страшные преследования, которым мы подвергаемся с их стороны, нам удалось за последние два года создать мощное крестьянское движение для защиты своих интересов. Враги народа боятся роста этого движения. Они пытаются всеми средствами сбросить революционное правительство и таким образом снова зажать нас в тиски рабства на много столетий. Мы об'являем, что всякое движение, направленное против революционного правительства, мы будем рассматривать, как движение, направленное против народа. Мы будем беспощадно с ним бороться.

Мы, крестьяне, страшно страдали до сих пор от войн, которые постоянно велись милитаристами для приобретения исключительной власти грабить нас. Мы больше всего ненавидим эти войны. Мы жаждем мира, чтобы улучшить условия своего существования. Революционное правительство выступает в своих декларациях в защиту мира во всей нашей провинции. Но реакционные силы стоят на пути достижения этой важной цели. Восстание Шен-Хун-Ина, нашествие Фан-Пен-Ена, затруднения, созданные постоянными интригами и войнами Чжен-Цзю-Мина и Лин-Фу, новая угроза выступления Тан-Ши-Яо и восстания беспокойных милитаристов внутри провинции, совсем почти разрушили хозяйство нашей провинции. Ныне они мешают революционному правительству проводить его созидательную политику. Более того, они хотят уничтожить само правительство. Единственная наша надежда—в проведении намеченных правительством реформ. Правительство неоднократно выражало готовность провести реформы, но оно, не имело до сих пор возможности это сделать. Оно не могло до сих пор создать гражданской администрации путем ликвидации власти милитаристов. Организованное крестьянство всегда приходило на помощь правительству, когда оно боролось с милитаристами за власть народа. В войне против Шен-Хун-Ина гоминдановское правительство получило полную поддержку со стороны крестьян. Во время войны против Чжен-Цзю-Мина крестьянские союзы оказывали всяческое содействие революционной армии. Мы добровольно снабжали армию всем, чем могли. Мы очень бедны. Все же мы постоянно готовы помогать правительству в его борьбе против врагов народа. Мы готовы жертвовать всем в надежде, что когда правительство победит врагов, оно осуществит реформы, которые оно декларировало в своих манифестах.

Мы согласны с тем, что до уничтожения или изгнания из провинции реакционных, милитаристических сил, все наши пламенные надежды на мир останутся праздной мечтой.

Каково же наше положение, и в чем заключаются наши требования?

Мы не можем здесь полностью их перечислить.

Мы страдаем от чрезмерно высокого налогового обложения. Мы никогда не знаем, какой будет действительный размер взимаемых с нас налогов. Мы требуем их уничтожения.

Земельные бюро в руках знати и бюрократов превратились

в средства нашего порабощения. Мы требуем упразднения этих бюро.

Несправедливый и нерегулярно взимаемый земельный налог разоряет наше хозяйство. Мы должны иметь систему справедливого и регулярного обложения.

В настоящее время почти невозможно установить границы, обозначающие владения крестьян. Необходимо, чтобы сведующие лица размежевали крестьянские земли.

Мы требуем, чтобы правительство установило допустимый максимум арендной платы за земли.

Ростовщичество должно быть запрещено.

Гражданское управление должно быть из'ято из рук знати. Мы требуем введения самоуправления в каждом округе.

Мы требуем отмены специальных сборов, взимаемых так называемой милицией, которая в большинстве случаев защищает не нас, а знать, или действует рука об руку с ненавистными нам милитаристами. Милиция, которая преследует крестьянские организации, должна быть распущена.

Пустующие земли должны стать собственностью казны. Правительство должно создать земельный фонд помощи бедным крестьянам.

Принудительный труд в деревне и военные налоги должны быть ликвидированы.

Чиновники, милитаристы и знать, которые угнетают нас, или мешают нашей организации, должны быть наказаны. Чиновники, не исполняющие приказов правительства, должны быть немедленно смещены.

Вопросы об орошении наших земель в целях предотвращения голода, о развитии кооперации и об учреждении крестьянского банка имеют для нас крайне важное значение. Правительство должно тщательно их рассмотреть в целях скорейшего их разрешения.

Значительная часть наших земель занята в настоящее время иностранными миссионерами и церквами. В то же время у нас не хватает собственных культурно-просветительных учреждений для воспитания наших детей. Мы нуждаемся в развитии китайской системы воспитания, а не в иностранных христианских миссиях и церковных школах. Только в китайских школах наши дети могут быть воспитаны в духе национализма, а не в духе иностранного империализма.

Таковы наши нужды и требования. Они не противоречат неоднократным заявлениям правительства. Они должны быть приняты и проведены в жизнь, как только мир и об'единенное управление в Гуандуне будут установлены».

Крестьянские организации в последние годы не раз помогали кантонскому правительству в его борьбе с внутренней и внешней контр-революцией,—с наймитами иностранного, главным образом, английского капитала,—с милитаристами, бандитами и пиратами. При последнем выступлении Чжен-Цзю-Мина, в союзе с Сен-Ке-У, двигавшимся с севера, и Ян-Кун-Чжу, запершимся в неприступной крепости Уайчжоу, и Тин-Пин-Ченом, командовавшим бандитами южнее Кантона,—крестьянские организации оказали неоценимые услуги южно-китайской революции. Они с боем отступали из района Сватоу. Они принимали на себя первые удары вновь возникшей гражданской схватки. Они сдерживали и затрудняли движение армий Чжен-Цзю-Мина. Тем самым они дали кантонскому правительству возможность развернуть в надлежащем месте все его вооруженные силы для решающего боя с коалицией всех контр-революционных сил в Гуандунской провинции.

* * *

Подводя итоги борьбы крестьянских союзов в Гуандунской провинции за два года их существования, Юен-Сиу-Син указывал, в своем докладе, сделанном 6 января 1926 года, на торжественном заседании в честь II конгресса Гоминдана, что крестьянское движение в Гуандуне пережило за указанный короткий срок шесть периодов. Первый из них охватывает время, когда оно развертывалось совершенно стихийно, не имело никакого руководства. В это время оно чаще всего выливалось в анархические формы. В конце этого периода, крестьяне узнали о существовании в городе Купеческих Торговых Палат, студенческих организаций и рабочих гильдий, союзов, клубов и обществ. В процессе борьбы крестьяне стали освобождаться от ограничений, налагаемых на них общиной и родовой семьей. Они вступили на путь организации крестьянских союзов. С этого времени начинается второй период. Он закончился вооруженными схватками между новыми крестьянскими организациями, с одной стороны, и помещиками, ростовщиками, милитаристами, джентри, бандитскими шайками и отрядами и так называемыми «крестьянскими дружинами», с другой. Все эти столкновения происходили на почве того, что об'единенные силы южно-китайской контр-революции хотели запугать крестьянство и помешать ему организоваться в самостоятельные крестьянские союзы, находящиеся под руководством Гоминдана. Третий период начался с того момента, когда крестьянские союзы повели борьбу за снижение арендной платы на землю. Южно-китайская контр-революция выступила единым фронтом против крестьян. В деревне началась гражданская война. Помещики громили крестьянские организации и стали применять террор в отношении наиболее активных членов крестьянских союзов. Кровавая борьба продолжалась в течение трех месяцев. Это было первое последовательно-революционное выступление крестьянства на юге Китая. Как раз в это время Гоминдан стал ориентироваться в деревне на крестьянские организации. Он активно выступил в защиту крестьян и послал им на помощь правительственные войска. В это время начальником полиции был убит председатель первой секции крестьянской организации в Кантоне—Ли-По-Сун (в декабре 1924 г.) за его сопротивление сбору налогов полицейским бюро Сун-Мина и вице-председатель Исполнительного Комитета крестьянской организации, Уен-Фук-Сан (в январе 1925 г.). Член ассоциации вспомоществования помещикам, Куон-Ю-Чун, не только убил Уен-Фук-Сана, но отрубил ему руки и отрезал уши... В это время помещики, буржуазия, продажное чиновничество, милитаристы и бандиты открыто заявили, что им терять нечего, что они могут всегда и легко найти убежище на иностранной концессии в Шамине и в Гонгконге...

В четвертый период, крестьяне стали уже принимать участие в политической борьбе в Гуандуне. Они активно выступили на стороне Гоминдана, при выборах мэра [1] города Кантона. Кре-

[1]) Мэр—городской голова.

стьянские организации Хай-Фына, Лу-Фына и У-Хуа оказывали помощь кантонской армии во время Тункианской экспедиции. Они помогали армии не только переноской военного снаряжения и в разведывательных операциях, но иногда расстраивали даже расположение мятежных войск. Доходило до того, что до 10.000 крестьян выстраивались в разных районах, в мнимо-боевом порядке, чтобы обмануть бдительность противника. Этот период закончился об'единением на I крестьянском с'езде, собравшемся в Кантоне, 1 мая 1925 года, всех гуандунских крестьянских союзов и созданием всекитайского крестьянского центра в Кантоне. Разработав программу экономической, военной и просветительной работы и высказавшись за всемерную поддержку кантонского правительства и Гоминдана в его борьбе с южно-китайской контр-революцией, Конгресс Крестьянских Союзов вместе с рабочими трех кантонских железных дорог принял посильное участие в борьбе правительства с юнанскими и гуансийскими милитаристами. Пятый период ознаменовался тем, что после шанхай-шаминских расстрелов крестьянские союзы примкнули к общенациональному движению. Они оказывали поддержку гонгконг-кантонским стачечникам, они создали организации самозащиты в Сватоу, По-Оп'е, Чун-Шен'е и Уей-Еун'е и всячески помогали пикетам Гонгконг-Кантонского Стачечного Комитета, наблюдавшим за осуществлением стачки-бойкота против иностранцев и ведшим борьбу с контрабандным провозом товаров и продуктов в Гонгконг и из Гонгконга в Гуандун. Шестой период начался со времени убийства секретаря Центрального Комитета партии Гоминдана, Ляо-Чун-Кая.

Гуандунские крестьяне всячески поддерживали кантонское правительство в его борьбе с Чжен-Цзю-Мином, Сен-Ке-У, Ян-Кун-Чжу, Тин-Пин-Ченом и всевозможными исходящими из Гонгконга заговорами. Этот период продолжается еще и доныне.

В заключение докладчик заявил, что гуандунские крестьяне поддержат правительство во всем, что оно предпримет для консолидации власти в провинции и для осуществления программы Гоминдана в области государственного, культурного, хозяйственного и финансового строительства.

Ло-И-Юен дополнил этот доклад сообщением, что за два года существования крестьянских союзов в Гуандунской провинции, они потеряли около двухсот видных работников, которые пожертвовали своей жизнью во имя интересов обездоленных китайских крестьян. Он указывал, что гуандунские крестьяне уже осознали свои интересы, знают за что они борются, что они уже вышли из состояния рабства и сознательно примкнули к национальной революции.

В Гуандуне растет и ширится крестьянское движение. Несмотря на всю свою молодость, оно стало уже довольно значительной революционной силой на юге Китая. Оно стало опорой кантонского правительства в гуандунской деревне. В процессе революционной борьбы в Гуандуне вырос союз между кантонскими и гонгконгскими рабочими и гуандунскими крестьянами. На юге Китая организуются новые революционные силы. Южно-китайская революция вовлекает уже в борьбу могучие резервы гуандунской деревни. Южно-китайская революция крепнет. Она победит!

А. Митрофанов.

Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях.

В процессе обследования состояния парторганизации в Киргизской Автономной Области (ныне Республике) [1] производившая обследование специальная комиссия ЦКК ВКП (б) обнаружила теоретическую путаницу в определении сущности пережитков докапиталистических общественных отношений у киргизского народа. Эта теоретическая путаница свойственна не только работникам Киргизии, но и работникам Казакстана, средне-азиатских республик и восточных окраин вообще. Поэтому будет целесообразно разобраться в этой путанице, обусловливающей целый ряд вредных последствий в партийном и советском строительстве на восточных окраинах СССР.

I.

Многие ответственные коммунисты Киргизии утверждают, что среди киргизского народа сохранился «патриархально-родовой уклад, на основе натурального хозяйства». На наличие этого уклада имеется совершенно ясное указание в резолюции 2-й Киргизской областной партконференции «о задачах партийного строительства». Одно из самых острых болезненных явлений в Киргизской областной организации—группировки и групповую борьбу—эта резолюция считает «об'ективным отражением родовой борьбы». Однако, в той же самой резолюции говорится о необходимости и способах изжития «иллюзии родовых отношений».

Такое внутреннее противоречие в резолюции нельзя об'яснить простым редакционным недосмотром. Это противоречие, вероятно, об'ясняется тем, что в одной и той же резолюции поместились рядом два различных теоретических взгляда на об'ективные условия партийного и советского строительства в Киргизии. Наличие этих двух взглядов среди работников Киргизии обнаружено Комиссией ЦКК. Оба эти взгляда-теории ссылаются на указанную резолюцию, но выводы, к которым они приходят, совершенно противоположны друг другу, и оба в одинаковой степени вредны.

Теории родового уклада общественных отношений в Киргизии приходят к следующему выводу: в родовом строе классов нет, следовательно, нет и предпосылок для выдержанной классовой политики вообще и в частности для классовой организации советов. Поэтому советы нужно строить по родовому признаку. По правде сказать, теория «родовых советов» ее сторонниками формулируется очень путанно, но и при наличии этой

---

[1] Просьба не смешивать с Казакской Автономной Республикой, недавно называвшейся Киргизской.

путаницы все-таки ясно, что «родовые советы»—это организации формально неклассовые, но по сути дела это байско-монапские «советы без коммунистов».

Вторая киргизская областная конференция осудила теорию «родовых советов» и призвала коммунистов к противопоставлению родовым группировкам и родовой борьбе единства организации. Но, поскольку она не отвергла теорию родового уклада, ее выводы мало чем отличались от выводов сторонников «родовых советов». Меры изживания родового уклада (по другой вариации «иллюзии родовых отношений»), предложенные 2-й киргизской областной конференцией, сводятся приблизительно к следующим положениям:

Для того, чтобы иметь классы, как предпосылку классовой структуры советов и классовой политики вообще, нужно разрушить натуральное хозяйство путем усиления товарооборота в крае, насаждения промышленности, железно-дорожного строительства, широкого кредитования киргизских скотоводов и земледельцев и т. д.

Голая программа «капиталистического дозревания» Киргизии, теоретически правильная безотносительно к конкретным задачам в области организации руководства широкими массами трудящихся, будучи помещена в резолюции о текущих конкретных задачах партийного строительства, является вредной отпиской от необходимости преодоления чрезвычайных трудностей в осуществлении указанной задачи. Такая отписка, или, если хотите, подмена задачи «исторического сегодня» возможным положением «исторического завтра», вредна потому, что она сеет в рядах коммунистов и честных беспартийных работников Киргизии пессимизм и делает их пассивными сегодня в виду возможности преодоления об'ективных препятствий только в «историческом завтра». «Капиталистическое дозревание», даже при максимуме благоприятных условий, намеченных программой этого дозревания, затянется на долгие годы, а может быть, и десятилетия. За это время «роса» фактической диктатуры эксплоататорских элементов, под маркой «патриархов рода», основательно «выест очи» киргизской бедноте и среднему трудовому элементу аула.

Вторая теоретическая платформа, противоположная теории «родового уклада», трактует общественные отношения в Киргизии, как отношения классовые. В противоположность сторонникам «родового уклада» и «родовых советов», сторонники этой теории, худайкуловцы (это название группа получила по имени одного из ответственных работников Киргизии) полагают, что в Киргизии классовое расслоение киргизского аула настолько глубоко и отчетливо, что там уже сейчас можно и должно провозгласить «диктатуру батраков», каковая диктатура должна заняться решительно и неуклонно раскулачиванием местных богатеев-баев и ликвидацией местного дворянства — монапов. Для осуществления этих практических задач худайкуловцы организуют специальные дружины «Кедей-токмак», что в вольном переводе на русский язык значит «бедняцкая колотушка». Таким образом, худайкуловская группировка, или, вернее, течение, как бы на деле опровергает теорию «родового уклада». Раз есть мощная организация батраков, ведущая борьбу со своими классовыми врагами, то, ясное дело, никакого родового уклада в Киргизии нет. Но такой категорический вывод могут делать только

сами худайкуловцы, или недостаточно внимательно вглядевшиеся в киргизскую действительность «сторонние наблюдатели».

Стоит только дать несколько пояснений к слову «батрак» и к некоторым тактическим принципам худайкуловцев, чтобы стало ясно, что худайкуловщина, как теоретическое течение и практическая организационная группировка, во всяком случае не менее вредна, чем группировки, стоящие на платформе «родового уклада».

II.

Что же представляет собою худайкуловский «батрак»? Этим термином до революции обозначался бедняк-киргиз, работавший по найму у переселенцев. При проведении земельной реформы эти батраки обычно получили земельные наделы, иногда очень значительные, обзавелись скотом, иногда посевами, продолжают считать себя «батраками», «пролетариями» и опорой советской власти. Членами «Кедей-токмака» в большинстве и являются такие бывшие батраки, ныне собственники. Эти же «батраки» в большинстве составляют и союз Кошчи.

Во время проведения земельной реформы 1921 года, когда нынешние псевдобатраки были действительными батраками, худайкуловщина представляла из себя революционную силу, на которую опирались руководители земельной реформы. В настоящий же момент, когда батраки в большинстве своем стали собственниками, худайкуловщина представляет из себя старую оболочку, наполненную новым об'ективно антисоветским содержанием. Союз Кошчи и «Кедей-токмак» считает себя «классовой пролетарской организацией», призванной «проводить революцию в ауле», «раскулачивать» баев и ликвидировать монапов. На практике же эти организации считают возможным не только не нападать на своих «батрацких баев и монапов», но деятельно их защищать от «чужих» баев и монапов, или, вернее, от таких же «батраков», как они сами, которыми, в свою очередь, руководят эти «чужие» баи и монапы.

«Классовая борьба» худайкуловских батраков есть не что иное, как вопиющее нарушение революционной законности, от которой страдают в конечном счете бедняцко-середняцкие элементы. «Классовая борьба» худайкуловских батраков проявляется в следующих основных формах: 1) в обложении специальными поборами населения «на дело революции»—фактически в карман руководителей, т.-е. «своих батрацких» баев и монапов, 2) в возмутительном избиении «монапских прихвостней»—фактически трудового элемента чужих аулов, в большинстве случаев за «неподчинение» или «неуважение» к «батрацким» монапам. Драками же обычно решается и исход выборов в советы.

Трудно сказать, какая из только что кратко изложенных теорий более вредна для дела советского строительства в Киргизии, или, иначе выражаясь, более полезна для баев и монапов. Обе эти теории использовываются последними в своих интересах; обе эти теории толкают коммунистов и целые организации к об'ективно вредным организационным выводам и поступкам. И, весьма возможно, обе эти теории сознательно поддерживаются байско-монапскими элементами.

Теория «родового уклада» является определенным идеологическим багажом одной из группировок, называемой по имени

ее главаря садыковщиной. Эта группировка представляет из себя не что иное, как об'единение шовинистически настроенной байско-монапской интеллигенции, которой очень хочется снова занимать руководящее положение при системе «родовых советов» («советы без коммунистов» то-ж). Такое именно положение она занимала при царском правительстве в должностях всевозможных переводчиков, волостных управителей и т. д. При царском правительстве ведь существовала тоже «родовая система» управления, при которой на выборные должности пролезали при помощи взяток чиновникам-колонизаторам, исключительно «патриархи родов»—монапы. Одним из важнейших легальных требований программы садыковцев является требование коренизации аппарата на 100%. Практически осуществление этого требования при почти поголовной технической неграмотности коренного населения приведет к тому, что все бывшие царские чиновники на 100% снова влезут в аппарат управления, и нелегальная ныне диктатура баев—монапов в аульных и волостных советах получит, таким образом, свою легализацию.

Вторая теория,—худайкуловская теория классового расслоения и классовой борьбы,—так же, как и первая использовывается в антисоветских целях байско-монапской националистической верхушкой аулов. «Революционность» союза Кошчи, засоренного байско-монапскими элементами, и «Кедей-токмака» в большинстве случаев не идет дальше «раскулачивания» русского переселенческого населения и защиты интересов «своих батрацких» монапов. И если мы в настоящий момент имеем в Киргизии некоторую обостренность отношений между киргизским и русским населением, то этим мы, в значительной степени, обязаны указанным выше «классовым организациям». Упором внимания киргизской бедноты на русских кулаков, в свое время уже раскулаченных, кулаки киргизские, т.-е. еще не раскулаченные баи и все еще господствующие монапы-феодалы, не безуспешно, уже пятый год, отвлекают ее внимание от самих себя. Но этот напор на раскулачивание у киргизской бедноты и указанных выше бывших батраков все больше и больше направляется и на киргизских кулаков и монапов. В виду этого руководящие «пролетарскими организациями» баи и монапы время от времени дают ему выход, организуя междоусобные потасовки киргизской бедноты и середняков под видом «классовой борьбы».

III.

В вопросах оценки общественных отношений в Киргизии путаются не только одни местные работники, но и некоторые центральные работники, приставленные к делу теоретического воспитания молодежи наших национальных окраин. Один из них сделал в конце прошлого года следующее заявление на одном весьма ответственном заседании: «У киргиз мы имеем родовую организацию, и отсутствие феодального строя и что поэтому там не может быть дворян. Что касается сущности монапа, то это родоначальник, патриарх рода, организатор родового общества».

Такое категорическое утверждение авторитетного в восточных вопросах работника, разумеется, будет воспринято киргизами-коммунистами, как марксистское освещение вопроса об общественных отношениях в Киргизии.

По правде сказать, и в цитированной речи упомянутого товарища имеется такое же противоречие, как и в резолюции 2-й киргизской областной конференции. После категорического определения сущности монапов как «патриархов родов», этот товарищ утверждает, что «товарные отношения и царская система управления подорвали родовой строй и что монапы при этой системе управления грабили население вместе с приставами и чинили подлоги при выборах волостных управителей и аульных старшин».

Таким образом, выходит, что монапы до революции были грабителями населения, а в настоящий момент они—«патриархи», «организаторы родового строя», эволюция совершенно невероятная.

Менее категорично, но столь же противоречиво утверждает существование родового строя в Киргизии профессор Кушнер, производивший в прошлом году специальное обследование в нескольких районах Киргизии. В своем предварительном докладе о результатах обследования на заседании Средне-аз. бюро ЦК ВКП(б) проф. Кушнер сообщил: «Я тщательно искал классовую борьбу и социальные классы, искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел. Там есть «малаи»—наемные рабочие (из 10 обследованных аулов в 3-х имеются малаи). Этот слой можно было бы признать **классом наемных рабочих**, если бы при опросе они не отвечали таким образом: на вопрос, сколько ты получаешь от хозяина в год, они отвечали обидчиво: «я не работник—я его младший брат, я ем и пью все, что хочу». В действительности же он получает 4 барашка, кислое молоко и просо. Может быть, можно признать наемными рабочими «джигитов». Это—работники, которые ухаживают за лошадьми, никакой зарплаты не получают ни денежной, ни барашками, а получают одежду с хозяйского плеча, питаются вместе с хозяином. Вместе с джигитами живут и их жены, которые выполняют обязанности домашней прислуги и не получают никакой платы. «Джалкши»—домашняя прислуга—носят дрова, хворост, большей частью на кочевье ухаживают за скотом, но не за лошадьми (за лошадьми ухаживают мужчины). «Койчи»—это наемные рабочие-пастухи, они всегда получают баранами, а не деньгами. Часто койчи—сыновья хозяина, так что зародыша класса и в них признать нельзя».

С каким точным понятием классов сообразовался проф. Кушнер, нам неизвестно, но, очевидно, он считает, что эксплоатируемые это только те, кто получает зарплату в денежной форме.

Профессор Кушнер, очевидно, не замечает, что в нарисованной им картине строения общественных отношений вокруг центральной фигуры монапа, мы имеем эксплоататора и эксплоатируемых, т.-е. самые «точные» признаки классовых отношений. Существующие в Киргизии общественные отношения проф. Кушнер определяет как пережитки родового строя. «Монапы до сих пор пользуются авторитетом, судят и берут за это бийлык, определенный судебный налог, взимают налоги—аренду за пользование земельными угодиями. Выполняют те функции, какие выполняли монапы во время Кокандского ханства. Монапство—это вполне открытое социальное явление, с которым приходится считаться и от которого никуда никто уйти не может.

Пережиток родового строя—это монапство. Это самый худший вид родового строя—переход к феодальному строю. Если бы там была политическая свобода, то монапы выродились бы в настоящих феодалов».

Итак, в Киргизии, по мнению профессора Кушнера, существует «пережиток родового строя», выражением которого пусть и худшим, являются монапы. Эти монапы, по свидетельству самого же профессора Кушнера, имеют своих холопов (холопы, как известно, переходная форма от рабства к крепостной зависимости), называемых «малями», и свою полукрепостную дворню, когда нужно выполняющую роль боевой силы, называемую «джигитами»; монапы фактически владеют всей землей в районе своего влияния; монапы администрируют и судят по всем самым «точным» понятиям о феодальной администрации и суде. Однако, несмотря на это, монапы... «пережиток родового строя». Любая форма общественных отношений включает ряд признаков предыдущих форм, но ведь не в этом дело. Важна не форма, а содержание этой формы, ее сущность. Ф о р м ы общественных отношений в Киргизии, несомненно, имеют целый ряд признаков родового строя, но эти формы еще в эпоху Кокандского ханства наполнились совершенно отчетливым феодальным содержанием. Монапы Киргизии были вассалами ханов и в то же время своеобразными сеньерами в отношении к киргизскому населению. Одна из типичнейших черт феодала—грабежи—очень отчетливо обнаруживается и у киргизских монапов. Даже в настоящий момент в Киргизии скотокрады делятся на следующие категории: волостного, окружного и краевого масштаба. Скотокрад, оперирующий в районе только данной волости, считается преступником, анти-общественным элементом. Совершенно иное отношение к скотокраду большого масштаба. «Окружной» скотокрад никогда не крадет в районе своей волости и считается «батырем», т.-е. своеобразным рыцарем. Часто бывает, что такой скотокрад-«батырь» присваивает себе звание и права монапа, независимо от своего происхождения. Так, по крайней мере, утверждают киргизы, знатоки киргизских преданий и обычаев. Скотокрадство, как массовое организованное действие, имеет место и в настоящий момент; сохраняя свою феодальную сущность. конечно, теперь при советской-то власти не сам монап, облеченный в рыцарские латы, нападает на табуны и стада других монапов и населения «чужих» волостей. Теперь это делают его «джигиты», а часто и батраки из «Уртокмака» или «Кедей-токмака».

Из-за наличия п р и з н а к о в родового уклада в формах общественных отношений в Киргизии проф. Кушнер и другие сторонники теории «родового уклада» не замечают сущности, содержания этих форм.

Проф. Кушнер приходит к выводу о несовместимости «родового быта» и советского строя.

«Совместима ли советская власть с родовым бытом? Я пришел к выводу, что несовместима. У нас, в Москве, есть сторонники взгляда, будто родовой быт можно приспособить к советской власти, но, по моему, поскольку родовой быт держится на натуральном хозяйстве,—а последнее совершенно исключает общественность и советскую власть—постольку это приспособление невозможно».

Выходом из тупика, в который заводит всех сторонников теории «родового уклада» указанное выше отождествление формы с содержанием, проф. Кушнер так же, как и цитированная выше резолюция, считает «дозревание». «Для того, чтобы кое-как наладить советскую власть,—говорит проф. Кушнер,—необходимо бороться за разложение натурального хозяйства». Но и этот выход не удовлетворяет профессора, ибо, по его мнению, от разложения натурального хозяйства пострадает беднота, находящаяся в экономической зависимости от монапов. Получается безвыходный заколдованный круг.

IV.

Прежде, чем перейти к определению того, какие формы общественных отношений застала революция в Киргизии, необходимо разобраться в основных аргументах, которые приводятся в защиту теории «родового уклада» ее последователями.

Первый и самый важный аргумент экономического характера, это ссылка на наличие в среде киргизского народа признаков таких потребительских отношений, которые будто бы свойственны только родовому укладу. Указывают на наличие общественных пиршеств, организуемых для окружающего населения «патриархами родов»—монапами. Эти общественные пиршества «Той» и «Ап» действительно существуют и по форме своей действительно напоминают потребительские отношения при родовом коммунизме, но это опять-таки только форма, наполненная таким содержанием, которое свойственно гораздо более поздним формам общественно-производственных отношений. Вот как описывает тот же проф. Кушнер одно из таких общественных пиршеств. «Был случай, когда Керим-Бай устроил «той», получил 500 баранов, одного верблюда, нагруженного коврами; зарезал 400 баранов. В результате же оказалось, что у него прибавилось 50 лошадей и 100 баранов. Такими празднествами из года в год они увеличивают свое богатство. Родовые отношения и натуральное хозяйство не мешают накоплять богатства. У Игаберде в запрошлый год было 28 баранов, а сейчас 200».

Эта картина очень похожа на «народные гулянья», устраивавшиеся западно-европейскими феодалами и нашими помещиками для своих крепостных, которые обязаны были приносить на барский двор или в замок для этого гулянья свои продукты в качестве натуральной повинности.

В Киргизии, при самодержавии, тем более при совласти. юридическая формула этой натуральной повинности стала невозможной и эксплоататоры придали ей формулу «гостеприимства».

Не пойти к знатному человеку на званый пир нельзя—обидишь его, и он за это при случае «припомнит»; пойти же на пир с одним пустым желудком тоже нельзя—тоже обида для хозяина. В результате гостеприимный монап собирает по несколько десятков лошадей и несколько сот баранов. По форме—это патриарх рода, организующий потребление, а по сути дела—это феодал, увеличивающий таким путем свои стада и заодно создающий себе популярность и название «кормильца рода».

Второй аргумент в пользу наличия родового уклада так же, как и первый,—ссылка на форму, без анализа ее содержания.

Указывают на наличие драк между отдельными селениями в особенности во время выборов, когда все население аула борется против всего населения другого аула. Это и называется «родовой борьбой».

По форме это действительно похоже на борьбу двух родов сущность же этих драк и борьбы тоже феодальная, как и в первом примере.

Для того, чтобы иметь совершенно ясное представление о сущности этой так называемой «родовой борьбы», необходимо напомнить читателю основы царской политики в Киргизии.

Родовой строй в Киргизии начал разлагаться еще в эпоху государства Чингис-Хана, когда действительным патриархам родов пришлось из года в год выступать в роли военных организаторов рода, т. е. проделывать обычную эволюцию от патриарха к феодалу. Феодальные отношения между монапом и родом окончательно сложились (в смысле своей экономической сущности, а не бытовой формы), как и указывалось выше, в эпоху Кокандского ханства.

Завоевание края царским правительством оказало на киргизский феодализм самое незначительное влияние. Система управления краем при царизме была не чем иным, как модернизацией кокандского феодализма. Иерархия этой системы была почти аналогична иерархии феодальной системы в Западной Европе. В самом низу первичный феодал-монап (сеньер) в роли аульного старшины и волостного управителя («болуш»). Формально эти первичные феодалы избирались всем населением волости или аула. В действительности же вопрос о том, кому быть «болушем», решался подкупами и дракой. Монап, у которого было больше «джигитов» и больше возможностей делать «подарки» чиновникам-колонизаторам, пролезал к власти. Роль уездного начальника и губернатора сводилась к общему политическому надзору и получению от аульных волостных «болушей» податей для государства и «подарков» для себя. Словом, монап-«сеньер» состоял с высшей властью в чисто вассальных отношениях. В районе своего управления этот «сеньер» был фактически почти неограниченным владыкой. Он определял размер и характер податей и налогов, распределял угодья, заботился о дорогах и безопасности и т. д.

Царское правительство в свое время лицемерно обосновывало такую систему управления желанием «соблюсти в неприкосновенности национальный родовой уклад киргизского народа». Крепостническое царское правительство не считало монапа феодалом-крепостником; оно титуловало его «старейшиной рода» и деление на волости проводило по «родовому признаку». Это лицемерное определение сущности монапа и по сей день гуляет по белу свету и время от времени соскакивает с языка или пера коммунистов.

Почему же в Киргизии случается так, что там буквально осуществляется поговорка о панской драке и холопских чубах? Очевидно, потому, что в Киргизии налицо такие общественные отношения, при которых сложилась эта поговорка, т. е. феодальные отношения. Возьмите междоусобные драки сеньеров европейского феодализма, или «наезды» наших бояр,—там ведь дело обстояло точь в точь так, как теперь в Киргизии—сеньеры воевали за возможность грабить население, но война-то эта велась

руками этого самого населения и за счет его «животов». Ведь никому из наших историков не приходит в голову квалифицировать эти драки как родовую борьбу.

Участие трудового населения в борьбе феодалов между собою и в средние века в Европе и теперь в Киргизии обусловливается следующими обстоятельствами: 1) экономической зависимостью от сеньера, в данном случае от монапа, 2) тем, что пришедший к власти монап, так же, как средневековый сеньер, с большей лютостью обирает сторонников своего побежденного противника. Этим и об'ясняется то обстоятельство, что в «избирательных» потасовках киргизская беднота и середняки активно помогают «своему» монапу одолеть монапа «чужого».

В средние века крестьяне, до поры, до времени, пока они не сорганизовались все против всех своих и чужих сеньеров, очень усердно тузили друг друга, чтобы избегнуть участи побежденных.

Царское правительство было заинтересовано в поддержании и культивировании междоусобных драк киргизского народа и по принципу «разделяй и властвуй» и потому, что оно само было крепостническим правительством, правительством погромов и провокации. Это проклятое прошлое киргизского народа прикрывалось вывеской «родового уклада». Теперь разговорами о «родовом укладе» тоже хотят прикрыться сохранившиеся после революции крепостники.

Можно было бы привести целый ряд других примеров, когда форма, сохранившаяся от предыдущих общественных отношений содержит в себе такую сущность, которая свидетельствует о наличии совершенно иных отношений, противоположных тем, из эпохи которых сохранилась эта форма, но мы считаем, что и приведенных примеров вполне достаточно.

Выводы.

1) В Киргизии, несомненно, нет родового уклада общественно-производственных отношений, но и классовая дифференциация там чрезвычайно затушевана пережитками форм родового быта, хотя эти формы и наполнены сущностью феодальных отношений. Октябрьская революция сравнительно быстро разрушает эти отношения, и поэтому нет оснований к переоценке их отрицательного значения. Навстречу этому процессу разрушения революцией феодально-родового уклада должна быть направлена твердая воля парторганизации к нормальному партийному и советскому строительству.

2) Всем теоретикам, считающим себя знатоками восточных вопросов нашей национальной политики, и практическим работникам восточных окраин, необходимо хорошенько усвоить, что «первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплоататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся» (резолюция партийного с'езда по национальному вопросу).

3) Монапы в Киргизии вредны не только как крепостники-эксплоататоры; они вредны и как опора киргизского шовинизма для местной мелко-буржуазной интеллигенции, вздыхающей о своей дореволюционной роли. В этом отношении тоже нужно

быть на-чеку и помнить другое место из указанной выше резолюции с'езда ВКП(б): «Коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу».

4) Хуйдакуловская «левая» группировка, как и всякая мелкобуржуазная левизна, об'ективно вредная вещь: ее нужно категорически осудить так же, как и «правую» группировку.

5) Необходимо проверить, как теоретически воспитывается в наших вузах молодежь восточных национальных республик и областей в смысле определения и анализа характера общественных отношений, бытовых форм и их содержания у отсталых народностей.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

В. САРАБЬЯНОВ.—Основные проблемы нэпа. Изд. «Московский Рабочий». 1926 г. Стр. 194. Цена 1 р. 50 к.

«Завершение первого восстановительного периода нэпа с большой выпуклостью поставило ряд экономических проблем.

«Некоторые из проблем, которым придается выдающееся значение, я пытаюсь в настоящей работе рассмотреть в перспективе дальнейшего развития нашего хозяйства, в перспективе строительства социализма в одной стране».

Так рисует, в предисловии, тов. В. Сарабьянов цель и задачи своей настоящей работы.

Имя тов. Сарабьянова, как одного из известных экономистов, заставляет с особенным вниманием отнестись к настоящей его работе, именно в силу спорности и неверности целого ряда выдвигаемых им положений.

Впрочем, это прекрасно чувствует и понимает и сам автор. «Нет никакого сомнения в том,—пишет он,—что все эти вопросы, поскольку мы их пытаемся углубить, могут получить спорное освещение».

Центральным положением «одной из основных проблем нэпа тов. Сарабьянов считает, как это он и пишет в предисловии: «вопрос связи стихии и единого государственного плана». «Ведь сама новая экономическая политика,—пишет он дальше,—по своему существу, была политикой признания права на существование стихии на ряду с планом» (стр. 50).

Здесь с тов. Сарабьяновым не согласиться, конечно, нельзя.

Но с чем нельзя согласиться, так это с его пониманием стихии. «*Наша* стихия,—пишет он,—тоже противоречива».

«В этом гвоздь вопроса».

«*При советской власти, держащей курс на смычку, и при хозяйственном росте, крестьянская стихия тянет середняка и к капитализму и к коммунизму. Буржуазной стихии противостоит социалистическая стихия вместе с госпланом, а не один только госплан*» (курсив везде автора. *К. Р.*).

«Сама революция в большей степени стихия».

«Крестьянин стихийно стремится поднять культурный уровень своего бытия как бедняк, так и середняк».

«Как можно обойти вниманием изменения, происшедшие за время революции в том противоречии, которое известно под названием «стихия», нам это, признаться, непонятно».

«Ведь самое торжество революции есть торжество *плановой деятельности нашей партии в смычке с революционной стихией*».

Прежде всего здесь надо точно отграничить понятия «революционной стихии» и «социалистической стихии», как выражение, у тов. Сарабьянова, стихийной бессознательной тяги середняка к коммунизму. Игра слов, которую здесь допускает тов. Сарабьянов, на наш взгляд, только может запутать вопрос. Конечно, торжество революции—результат «плановой деятельности нашей партии в смычке с революционной

стихией». Но сама-то «революционная стихия» по своему содержанию не была единой, а таила в себе известное противоречие.

В то время как пролетариат боролся за социалистическое переустройство общества, за коммунизм, крестьянская стихия была направлена против помещичьего землевладения, против кабальной аренды за передачу помещичьей земли в руки крестьянства. И только затем эта стихия, но уже не всего крестьянства, а только беднядкой его части, под руководством пролетариата и при его помощи и поддержке, была направлена против кулака. Крестьянство, в результате этой борьбы с кулаком, в известной степени нивелировалось, «осереднячилось». Но результатом этой «стихии» явилось не превращение крестьянства в социалистических производителей, а усиление, как это указывал Ленин, мелкособственнической, мелко-буржуазной стихии. И у нас, в условиях борьбы капитализма с социализмом, эта стихия питает капитализм, и к капитализму, а не к коммунизму она тянет середняка.

И потому неверно понимает тов. Сарабьянов Ленина, когда утверждает, что «по Ленину середняк под пролетарским руководством сам себя (курсив автора. *К. Р.*) будет переводить на эти (социалистические) пути», когда приписывает Ленину утверждение, «что социализм построят сами массы, причисляя к ним и середняка».

Здесь, прежде всего, имеется странное противоречие: с одной стороны, «пролетарское руководство» середняком, а с другой—середняк «сам себя» переводит к коммунизму. Если середняк «сам собой» переходит к коммунизму, то, очевидно, он не нуждается и в пролетарском руководстве для этого перехода, если же, наоборот, это руководство необходимо, то, очевидно, в крестьянстве, в условиях переходного периода, не заложены качества и условия перехода—«само собой»—к коммунизму.

Но отвергать необходимость пролетарского руководства крестьянством—значило бы ревизовать ленинизм в его основах. Как же в таком случае понимать утверждение тов. Сарабьянова о переводе середняком «самого себя» на социалистические пути? Как «стихийную» тягу середняка к кооперации и повышению культурного уровня «своего бытия»?

Но, во-первых, эта «стихия» в условиях борьбы социализма с капитализмом отнюдь не есть нечто такое, что присуще природе середняка как такового, а, во-вторых, эта же стихия может переводить и частично переводит середняка не на социалистические, а капиталистические пути. (Дальше мы увидим, что это, по сути дела, совершенно бесспорное положение о расслоении крестьянства, если и не отвергается тов. Сарабьяновым, то обставляется такими оговорками, что создается впечатление об отрицании тов. Сарабьяновым этого факта).

Но возьмем кооперацию, как один из элементов «стихийного» перевода середняка на социалистические пути. В чем здесь выражается руководство пролетарским государством и что здесь привносит середняк «сам от себя»? «В самом деле,—писал Ленин в статье «О кооперации»,—власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескую, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения».

Почему именно кооперацию выдвигал Ленин как условие перевода, при наличии собственности на орудия производства в руках государства, крестьянства на новые, социалистические пути? Потому, что именно этот кооперативный план был наиболее «простым, легким и доступным для крестьянина», потому что это означало бы «практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении».

В какие же, однако, условия должна быть поставлена кооперация, чтобы она была простым, легким и доступным для крестьянина «переводом к социализму», чтобы в построении его каждый крестьянин мог принимать участие? На этот вопрос Ленин дает исчерпывающе-полный ответ. «Надо поставить кооперацию политически так, чтобы не только кооперация вообще и всегда имела имущественную льготу, но чтобы эта льгота была чисто-имущественной льготой (высота банкового процента и т. п.). Надо ссужать кооперацию такими государственными средствами, которые хотя бы на немного, но превышали те средства, которые мы ссужаем частным предприятиям, вплоть хотя бы до тяжелой промышленности и т. д.».

«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т.-е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,—под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения».

Здесь Ленин дает совершенно ясное, исключающее всякое двусмысленное толкование, понимание пролетарского государства. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса». Таким классом, при финансовой поддержке которого возникает социализм, является пролетариат. Создание строя «цивилизованных кооператоров» требует известной поддержки, и эту поддержку дает ему пролетариат. Он дает имущественные льготы кооперации, он кредитует ее промышленными товарами, дает льготный банковый процент, облегчает, а иногда и совершенно освобождает от налогов и пр., и т. под.

Но делает это не в отношении к кооперации вообще, а только к той, которая осуществляет подлинно-социалистические задания, в которой «действительно участвуют действительные массы населения». Иными словами, пролетарское государство ставит кооперацию в такие условия, чтобы крестьянское население было экономически заинтересовано в этом об'единении, чтобы оно шло в кооперацию, движимое насущными экономическими интересами. Именно здесь, в кооперации достигается то сочетание частно-хозяйственных интересов крестьянства с историческими задачами пролетариата, которое позволяет наиболее легким и доступным для крестьянства способом и при его участии—строить социализм. Не «сам себя» будет переводить середняк на социалистические пути, а под таким пролетарским руководством, при такой политике со стороны пролетариата, при такой его поддержке, когда сами частнохозяйственные интересы будут толкать середняка, на этот путь. Оставьте «пролетарское руководство» (без всякого содержания, как это делает тов. Сарабьянов) и откиньте его поддержку кооперации

(в том смысле, как это говорил Ленин), его экономическое руководство направлением развития этой кооперации—и кооперация будет источником не столько социалистических зерен, сколько капиталистической плевелы. Было бы, мягко выражаясь, наивным оптимизмом, ничего общего, конечно, с ленинизмом не имеющим, утверждать, что в условиях переходного периода, в условиях борьбы капитализма с социализмом, крестьянская стихия будет «сама себя», без экономической поддержки и экономического руководства со стороны пролетариата, переводить на «социалистические пути». Крестьянская стихия мелко-буржуазна по своему существу, и пролетариат, исходя из этой природы крестьянской стихии, противопоставил ей кооперацию, как генеральный план претворения этой мелко-буржуазной стихии в плановое организованное русло социалистического строительства.

Отсюда, возвращаясь к противоречивости крестьянской стихии, тянущей «середняка и к капитализму и к социализму» как к теории противоречия буржуазной и социалистической стихий, мы вынуждены категорически от нее (теории) отказаться. Противоречивость крестьянской стихии—совсем не там, где ее ищет тов. Сарабьянов, и никакой социалистической стихии природа ее не излучает. Противоречивость ее заключается в том, что при одних условиях,—ведущей роли капитализма,—середняцкий массив, дифференцируясь выделяет на одном полюсе огромные массы неимущих, обатраченных хозяйств, а на другом концентрирует ничтожное количество крупных кулацко-капиталистических хозяйств. Здесь, под влиянием буржуазно-капиталистической стихии середняк действительно, помимо своей воли «сам себя» переводит на капиталистические пути, в одном случае превращаясь в батрака-пролетария, а в другом—кулака-капиталиста.

Однако, этот путь развития крестьянской экономики, неизбежный в условиях капиталистического хозяйствования, совершенно необязателен в иных социальных условиях,—в условиях диктатуры пролетариата. Больше того, смысл и значение ленинского кооперативного плана и заключается в том, чтобы капиталистическому влиянию на крестьянские хозяйства противопоставить социалистическое в лице госпромышленности, кооперации, позволяющее переключить простое товарное крестьянское хозяйство непосредственно в социалистическую систему. И здесь противопоставляется не одна стихия (буржуазная) другой (социалистической), а социалистический сектор нашего хозяйства—госпромышленность вместе с кооперацией—частно- и госкапиталистическому укладу за ведущую роль над крестьянством. И если середняк идет в социалистическую кооперацию, то не потому, что к этому его толкает мелкособственническая его природа как таковая, а потому, что «госпланом» кооперация поставлена в такие условия, что об'единение в нее для крестьянина выгоднее именно с его частнохозяйственной точки зрения. И эта «социалистическая стихия» с точки зрения «госплана» так же планово, как планово наше электростроительство.

Надо, впрочем, сказать, что эта «оптимистическая» переоценка «социалистичности» середняка и крестьянской стихии имеет у тов. Сарабьянова в корне неверную оценку процессов, происходящих в деревне. Если верить тов. Сарабьянову, то капиталистические тенденции крестьянской стихии вообще не сильны. «Мы считаем,—пишет он,—что советский режим при развивающейся промышленности и совершенствующемся государственном и кооперативном аппарате обеспечивает закрепление середняцкого хозяйства вопреки капиталистическим тенденциям». «Нам думается, что восстановительный процесс в сельском хозяйстве должен из рук кулаков вырвать не малую часть земли (арендной), так как середняки и даже бедняки свои посевы заметно увеличивают». «Массовых данных, которые бы говорили о преимущественной тенденции к расслоению крестьянства,—утверждает тов. Сарабьянов,—у нас нет». Но, с другой стороны, признается тов. Сарабьянов, хотя именно об этом говорят все его отвлеченные рассуждения, «с цифрами в руках доказать, осереднячивается ли крестьянство, мы пока не можем» также.

Нам, в свою очередь, думается, что зря валит тов. Сарабьянов невозможность доказать, особенно для восстановительного периода сельского хозяйства, осереднячения деревни, на отсутствие «массовых данных». Для первых годов этого восстановительного периода, этих «массовых данных» больше чем достаточно. В своей работе о расслоении крестьянского хозяйства Украины тов. Гуревич сообщает такие данные об изменении распределения посевных площадей за годы 1922—1924 г.

Годы.	Беспосевн.	С посевом: До 2 дес.	От 2—6 д.	От 6—15 д.	Свыше 15 дес.
1922	3,5	36,3	48,6	10,4	1,2
1924	4,4	33,7	47,6	12,9	1,4
1924 в % к 1922 г. .	126%	93%	98%	124%	117%

Здесь процесс вымывания середняцких групп совершенно несомненен.

Такая же картина несомненной дифференциации наблюдается и по обеспеченности хозяйств скотом. Процент хозяйств без рабочего скота увеличился с 19,2% в 1921 году до 46,4% в 1924 году, или почти в два с половиной раза. Количество безинвентарных хозяйств за тот же период времени увеличилось с 23,8% до 41,6% или на 75%!

Или тов. Сарабьянов не считает эти годы годами восстановительного периода? Или недостаточно массовыми данными (только Украина!)? Но тогда ему не следовало бы приводить и ссылок на работу Хрящевой с приведением данных о распределении посевных площадей между отдельными группами посевщиков! Наконец, тов. Сарабьянову следовало бы знать, что дифференциации крестьянства определяется не только и не столько распределением посевных площадей, сколько обеспеченностью скотом и инвентарем. То-есть как раз теми признаками данных распределения, которых тов. Сарабьянов совершенно не приводит.

В такой же мере не соответствует действительности утверждение тов. Сарабьянова, что «восстановительный процесс в сельском хозяйстве должен вырвать из рук кулаков не малую часть земли (арендной), так как середняки и даже бедняки свои посевы заметно увеличивают». Мы вынуждены будет опять сослаться на ту же работу тов. Гуревича. Расслоение украинской деревни нашло, по данным Украинского ЦСУ, свое отражение и в росте аренды земли. Процент арендующих хозяйств увеличился только за один год с 1923 по 1924 г. с 4,8 до 6%, т.-е. на 25%, а количество арендованной земли за тот же срок увеличилось с 13,4 десятин до 19,2 на 100 хозяйств или на 43%.

Как распределялась аренда и сдача земли между отдельными группами хозяйств, можно судить по следующей таблице:

Группы	Арендовано десятин	Сдано дес.	% хоз. арен.	% хоз. сдающ.	Превышение аренды (+) сдачи (—) (в дес.)
Беспосевн. . . .	219,10	11.654,35	0,9	18,9	— 11.435
С посевом до 2 дес.	1.539,70	15.842,19	1,7	4,7	— 14.302
От 2 до 6 дес. .	15.177,31	28.234,72	4,4	4,5	— 13.107
От 6 до 15 дес. .	40.915,15	9.711,67	16,9	4,2	+ 31.208
Свыше 15 дес. .	29.923,77	637	39,6	1,7	+ 29.285

Иными словами, группы беспосевных хозяйств и посевщиков до 6 дес. с д а ю т в аренду землю, а посевщики свыше 6 дес. арендуют. При чем в группе беспосевных почти $^{1}/_{5}$ хозяйств сдает землю, а в группе посевщиков «свыше 15 десятин» почти $^{2}/_{5}$ хозяйств землю арендуют.

Таким образом, вопреки хорошим желаниям тов. Сарабьянова, восстановительный процесс не только не «вырвал» у кулака арендованную им землю, но кое-что ему дополнительно передал. Очевидно, тов. Сарабьянов сущее подменил должным, а реальные процессы—своими добрыми пожеланиями. Едва ли, однако, наша политика может руководствоваться иллюзорно-оптимистическими пожеланиями тов. Сарабьянова. Конечно, паника перед кулаком, паника перед растущей дифференциацией вещь очень нехорошая и XIV с'езд ее достаточно резко и категорически осудил. Но ведь такое замазывание дифференциации, такое признание «безпоказательности» процесса расслоения, если не в прямой форме, то в форме недооценки кулака было также осуждено!

В конечном счете система взглядов тов. Сарабьянова на основную проблему нэпа сводится к следующему: деревня «осереднячивается», и социалистической крестьянской стихией середняк «сам собой» переводится на социалистические пути. Такую концепцию мы должны признать в корне неверной, она не только не верно изображает весь предыдущий ход нашего развития, но указывает глубоко неверные и принципиально ошибочные пути нашего дальнейшего развития. Политика рабочего государства должна строиться не на оптимистически-благодетельных пожеланиях, а на трезвом и здоровом анализе реально протекающих процессов. А этого у тов. Сарабьянова и не оказалось. И жизнь, так как она протекает реально, а не в голове у того или другого экономиста, была и будет больно бить за нежелание с ней считаться.

Такими же оптимистическими настроениями, вопреки последним данным НКФ, проникнуты взгляды тов. Сарабьянова и на вопрос о роли и удельном весе в нашей экономике частного капитала. Хотя и здесь тов. Сарабьянов оговаривает: «как велик этот уклад в количественном отношении, сказать в данный момент невозможно за отсутствием прямых и косвенных более или менее значительных данных».

Книга тов. Сарабьянова, повторяем, несомненно интересна, но этот неумеренный «оптимизм» с его «гром победы раздавайся», не может быть принят партией как руководство для действия, как исходное положение для определения направления партийной политики.

К. Розенталь.

От редакции:

В № 12 на стр. 13 в 5 стр. сверху напечатано: «По-латински осмыслить»; следует читать: «По-ленински осмыслить» и т. д.

№ 14 № 14

30 ИЮЛЯ

1926

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"